

Авантурная мелодрама

Литон
ЛЕОНТЬЕВ

ПОБЕГ С ЛАЗУРНОГО БЕРЕГА

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Побег с Лазурного берега

«ЭКСМО»

2007

Леонтьев А. В.

Побег с Лазурного берега / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2007

У Лизы Кречет есть все и... ничего. Ее отец – знаменитый на весь мир художник, но в семье нет главного – любви. После смерти матери жизнь стала совсем невыносимой: Анабелла, молодая жена отца, возненавидела падчерицу и отправила ее в закрытый пансион. С огромным трудом Лиза вырвалась оттуда, но дома ее ждал настоящий кошмар – всем заправляла новая хозяйка, а отец из моложавого мужчины превратился в развалину. Проведя свое расследование, девушка узнала страшную правду: Анабелла и ее любовник медленно травят художника, мечтая получить наследство. И тогда Лиза задумала похищение отца из родного дома...

© Леонтьев А. В., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Лиза	5
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Антон Валерьевич Леонтьев

Побег с Лазурного берега

Лиза

Да, быть гением нелегко. Впрочем, дочерью гения – гораздо тяжелее. Лиза поняла это еще ребенком, а окончательно убедилась, когда умерла ее мама.

То, что мама умирает, стало ясно за пять месяцев до неотвратимого финала. Она уже давно неважно чувствовала себя, однако не обращала внимания на симптомы и только под давлением Лизы посетила врача.

Лиза помнила, как после повторного обследования, последовавшего за взятием накануне пункций, мама вышла из кабинета (она ждала ее в приемной, пролистывая какой-то глянцевого журнала, – большая статья была посвящена отцу и его новой выставке в Париже и сопровождалась множеством фотографий: отец и президент Жорж Помпиду, отец и вдова президента Жаклин Кеннеди, отец и покровительница изящных искусств Пэгги Гугенхейм, отец и выводок красоток...) и ровным тоном произнесла:

– Мы можем отправляться домой!

Только усевшись за руль автомобиля (темно-синего «Ягуара» – подарок отца к последнему дню рождения, он любил делать презенты, считая, что они заменяют чувства), мама внезапно разрыдалась. Лиза, предчувствуя что-то плохое, попыталась ее утешить. Мама прекратила плакать так же внезапно, как и начала, и сказала подозрительно спокойным тоном:

– Теперь мы должны быть сильными. Доктор уверен, что есть небольшой шанс.

– Что ты имеешь в виду? – проронила тогда Лиза.

Мама, вытерев глаза платочком, который она вынула из сумочки, пояснила:

– У меня рак лимфатических узлов. Но Леону мы, конечно же, ничего не скажем.

– Мама! – воскликнула Лиза. – Что именно сказал доктор? Папа должен знать....

– Нет, нет! Это только расстроит его и отвлечет от работы! – твердила мать. – Поклянись мне, что ты не проговоришься!

* * *

Когда отец узнал о том, что его жена смертельно больна (Лиза, промучившись два дня, нарушила данное маме слово и поведала ему обо всем), то первой его репликой было:

– Похороны? Я ненавижу похороны, ты же знаешь! И больницы я тоже ненавижу. Лиза, твоя мать выбрала крайне неудачный момент, чтобы заболеть!

Они находились в рабочем ателье отца – огромном, выстроенном, казалось, из стекла, воздуха и солнечного света (его спроектировал один из всемирно известных архитекторов, восторженный почитатель таланта Леона Кречета). В их семье царили незыблемые правила, установленные отцом, и жизнь любого и каждого подчинялась одному – капризам великого художника и удовлетворению всех его желаний еще до того, как они взбредут мэтру в голову.

Отец, в старой фланелевой рубашке с длинными рукавами и потрепанных джинсах, замер перед большим полотном, на котором возникал очередной шедевр. Лиза давно привыкла к тому, что любая картина, написанная отцом (а он любил говаривать, что создает дюжину гениальных полотен до завтрака и две дюжины – после обеда), приобреталась на аукционе за огромную сумму. Только год назад в Нью-Йорке одно из ранних полотен отца «Мадам Гишар с кошкой» – и он когда-то был никому не известным художником! – было куплено владель-

цем фармацевтического концерна и обладателем одного из самых больших состояний США за тридцать два миллиона долларов.

Ведь ее отцом был сам великий Леон Кречет! Его имя с благоговейным трепетом произносили искусствоведы и художественные критики, коллекционеры-толстосумы по обе стороны Атлантики. В последнее время промышленники из Японии и арабские шейхи боролись за право стать обладателями шедевра Леона Кречета (а все, что выходило из-под его руки, даже клочок бумаги с намалеванной рожицей или обидная карикатура на известного оперного певца, нарисованная на театральной программке, считалось таковым). В Музее Гугенхайма и галерее Тейт имелись отдельные залы с его картинами, а в день открытия очередного вернисажа отца перед входом собирались многотысячные толпы.

Отец, ревниво относившийся к успехам коллег по цеху, считал себя единственным живым гением. Он, в узком кругу крайне пренебрежительно отзывавшийся о творчестве Пикассо, Шагала и Дали, предпочитал не вспоминать о том времени, когда звался Леонидом Кречетовым, и о том, что за первую проданную картину получил тридцать девять франков и пятьдесят сантимов.

Отец давно превратился в космополита и чувствовал себя как дома в Лос-Анджелесе, в Токио и на Лазурном Берегу, однако никогда не забывал подчеркивать, что по происхождению он русский. При этом Леон Кречет упорно придерживался изобретенной им самим легенды, которую его восторженные поклонники считали чистой правдой, – что его отцом был не кто иной, как младший брат последнего российского императора Николая Михаил, а матерью – прима-балерина Мариинского театра Ольга Ставрова, а он сам – плодом их недолгого, но чрезвычайно бурного романа. Якобы Николай, узнав о том, что Ставрова понесла от его брата, считавшегося до появления на свет царевича Алексея наследником, пришел в неописуемую ярость и велел отдать ребенка на воспитание «простым людям».

Матушка гениального художника и в самом деле была близка к театру – какое-то время она работала горничной известной балерины, эмигрировавшей из России после революции и скончавшейся в конце двадцатых от чахотки в закрытом швейцарском санатории. И кто-то из въедливых журналистов сумел проникнуть за железный занавес и съездить в Ленинград, где отыскал запись в церковноприходской книге, которая гласила – Леонид Кречетов появился на свет 6 марта 1903 года, и его родителями были Анна и Алексей Кречетовы. Но отец Лизы только отмахивался от подобных «разоблачений», заявляя, что по личному приказу царя все документы были фальсифицированы, дабы скрыть появление на свет его племянника и, с учетом закона о престолонаследии, реального претендента на корону Романовых...

В тот день отец, увлеченный работой (на полотне возникало нечто похожее на квадратную голую женщину с треугольными грудями и пламенеющими охрой волосами на голове, под мышками и на лобке), делал вид, что не замечает Лизу. Да, он был эгоистом и никогда не скрывал этого. Он резонно считал, что является самым великим художником современности, во всяком случае, из живущих (что касалось предшественников, то он, стиснув зубы, уступал пальму первенства Рембрандту, с которым разделял страсть к пышным женским формам, правда, с оговоркой, что у великого голландца не хватало фантазии в сюжетах), и не сомневался в том, что все, в том числе его жена и единственная дочь, обязаны выполнять каждую его прихоть.

Взмахнув кистью и отойдя от нового своего творения, отец натолкнулся на Лизу. Девушка, замерев, рассматривала картину.

– В чем дело? – недовольно спросил он.

Отец, безусловно, был гением, но это не делало его добрым и отзывчивым человеком. Всем, в том числе Светлане (жене) и Лизе (дочери), воспрещалось нарушать его покой и заходить в ателье с шести утра до полудня, то есть в те часы, когда мэтр трудился. Сейчас он взгля-

нул на Лизу из-под седых, мохнатых, насупленных бровей, затем, не дожидаясь ответа, подбежал к картине и принялся что-то яростно переделывать.

Лиза прекрасно знала, что тревожить отца запрещено, но она не могла больше ждать. Она переговорила с доктором Маринэ, и тот сообщил ей, что надежды практически нет – ее мать не протянет больше пяти, максимум семи месяцев. Наверняка, разглядывая фотографии Лизы в журналах (иногда там появлялись снимки семьи гениального Леона Кречета), все думали: «Как же повезло девчонке! Ее отец – всемирно известный художник, к тому же до чертиков богатый, ведь самая захудалая картина стоит полмиллиона. Она обитает в замке на побережье Средиземного моря и ни в чем не знает отказа!» И никто, решительно никто не мог предположить, что Лиза не чувствовала себя счастливой. В особенности после разговора с доктором Маринэ...

– Рарá, – заговорила Лиза, обращаясь к широкой спине отца – он, конечно же, не соизволил обернуться к ней. – Мама очень тяжело больна. У нее рак. Шансов на исцеление крайне мало. Она... она скоро умрет!

Воцарилась тишина. Отец, склонив набок голову с длинными седыми локонами, замер. Лиза понимала: отец никак не может поверить ее словам. Она бы и сама отдала все на свете, лишь бы известие о болезни матери, приговор медиков оказался дурным сном. Ей не нужен ни замок у самого моря, ни сотни нарядов, ни деньги. Только бы мама...

Медленно повернувшись к дочери, Леон Кречет пожевал тонкими губами, подвигал клинообразной бородкой, делавшей его похожим на потрепанного жизнью д'Артаньяна, прикрыл на мгновение выпуклые голубые глаза и произнес сакраментальную фразу:

– Похороны? Я ненавижу похороны, ты же знаешь! И больницы я тоже ненавижу. Лиза, твоя мать выбрала крайне неудачный момент, чтобы заболеть!

Лиза выбежала из ателье и, не удержав равновесия, упала со ступенек лестницы, что вела от студии в благоухающий райский сад, за которым виднелся перестроенный старинный замок. Отец купил его у разорившегося герцога около пятнадцати лет назад, когда принял приглашение великого князя Виктора-Иоанна и обосновался на границе Бертрана и Франции.

Растирая подвернувшуюся лодыжку, девушка дала волю слезам. Но плакала она не от боли – по маме, не желая мириться с вердиктом докторов. И еще из-за отца, который отреагировал на весть о смертельном заболевании жены с присущим ему безразличием и цинизмом.

Поднявшись, Лиза обернулась и увидела сквозь стеклянные стены отца, увлеченно работающего над картиной. Он, скорее всего, выбросил из головы ее слова. А ведь мама была его музой! Даже эту квадратную женщину с огненными волосами он, сам того не ведая, одарил ее чертами! Ведь именно ей, Светлане, он был обязан тем, что превратился в Леона Кречета.

* * *

О судьбе отца было написано не меньше четырех десятков книг, в том числе дюжина диссертаций и монографий, а также несметное количество газетных и журнальных статей. Сам мэтр не любил говорить о своем «советском периоде». Лиза знала, что мальчишкой отцу в период Первой мировой и Гражданской войн в России приходилось промышлять воровством, но он этого и не скрывал, а, наоборот, с гордостью рассказывал, как грабил прохожих в проулках. Вместе с прочими беспризорниками (Анна Кречетова, его мать, умерла от тифа, а отец пропал без вести в войну где-то в Галиции) его отправили в детский дом, оборудованный в бывшем монастыре. Один из воспитателей, некогда профессор изящных искусств, и открыл в семнадцатилетнем Леониде небывалый талант.

Получив рекомендации своего первого ментора и окрыленный его похвалами, в начале двадцатых, в разгар НЭПа, Леонид попытал счастья в Абрамцевском художественном училище. Он был уверен в том, что строгая комиссия, поразившись непомерному таланту, при-

мет его с распростертыми объятиями, но молодого человека ждало разочарование – Советской России его декадентские шалости не требовались. Всего через несколько лет, в течение которых Леонид перебивался случайными заработками, произошло «сменовеховство», и писать картины в том стиле, который предпочитал Кречетов, стало просто опасно.

Будучи весьма неглупым и практичным человеком, Леонид работал декоратором в театрах, оформляя помпезные постановки советских балетов и опер, а по ночам в своей камерке под самой крышей творил. Но кто-то из соседей донес в органы о том, что Кречетов жжет в темное время суток свет – не иначе как занимается подрывной деятельностью. При обыске у него обнаружилось около трех дюжин нелепых картин – квадратные женщины, овальные мужчины, ромбические дети. Ни оружия, ни запрещенной литературы, ни переписки со шпионами и врагами народа найдено не было, но в профилактических целях Кречетову впаяли пять лет и отправили в один из сибирских лагерей.

Отрубив весь положенный ему срок, молодой живописец освободился и поселился в Пушкине. Из мест заключения он вынес окончательную уверенность в собственной гениальности и ненависть к советскому строю, эту гениальность не признающему. Когда началась Отечественная война, Кречетов оказался одним из первых, кто был призван в ряды армии. Его трижды ранило, один раз – очень тяжело, но ему удалось выкарабкаться. Он даже дослужился до старшего лейтенанта и был награжден.

В рядах советских войск Леонид освобождал Прагу. Оказавшись в Европе, он понял, что настал черед осуществить свою заветную мечту. Ведь даже на фронте он рисовал, не переставая, и таскал с собой папку с эскизами.

Кречетов тайно, переодевшись, покинул месторасположение части и решил начать жизнь на Западе. Из Чехословакии он перебрался в Германию, а оттуда – во Францию. Леонид обладал цепкой памятью, поэтому ему не составило труда достаточно быстро овладеть чужим языком. Именно Франция, как он помнил по наставлениям профессора из детского дома, и есть та благословенная страна, где почитают талант художника и позволяют при помощи его зарабатывать деньги.

Леониду удалось приобрести на блошином рынке настоящий французский паспорт, и он затаился в Париже, мечтая о том, что совсем скоро станет известен всему миру. Но мечты не спешили воплощаться в реальность – послевоенный Париж переживал подлинный творческий бум, город наводнили талантливые личности (или почитавшие себя таковыми) из всех стран мира.

Несколько раз Кречетов сталкивался в кафе с теми, чьи имена заставляли его трепетать, но он был уверен – его талант намного мощнее. Он сменил множество профессий, работал грузчиком, землекопом, страховым агентом и даже медбратом в сумасшедшем доме. И постоянно рисовал. Но... однажды он представил некоему владельцу галереи свои работы, ожидая, что тот немедленно устроит персональную выставку, тот назвал его картины бездарной мазней и слепым подражанием. И все же Кречетов не терял надежды.

В 1951 году Леонид познакомился с девятнадцатилетней Светланой, чьи родители покинули Россию еще до Февральской революции. Ее отец занялся производством вин и заработал солидное состояние. Светлана, которая владела французским, итальянским и английским языками так же хорошо, как русским, пленила Кречетова с первого взгляда. Это была чувственная рыжеволосая девушка с потрясающими формами.

Светлана, увлекавшаяся искусством, но отлично знавшая, что особым талантом не одарена, сразу распознала в Леониде гения. Они стали любовниками, а затем тайно поженились. Родители Светланы, узнав о браке дочери, пришли в ужас. Не таким они представляли себе зятя! А тот, кто стал им, был старше Светланы на двадцать с лишним лет, нищ и к тому же – беглец из-за «железного занавеса».

За два месяца Леонид создал больше ста картин, на которых была изображена она, его муза, Светлана. Юная жена хотела, чтобы о таланте ее супруга узнал весь Париж, и стала уговаривать родителей финансировать выставку в одной из самых известных галерей. И те, к ее удивлению, с радостью пошли на это, полагая, что позор, которым непременно закончится выставка, отрезвит их дочь, откроет ей глаза и спровоцирует разрыв между ней и ее избранником, «этим ремесленником от искусства».

Но все обернулось иначе – сразу три суровых критика, славившихся тем, что не оставляли камня на камне, подвергая разбору творчество как неизвестных, так и прославленных художников, в унисон заявили: на небосводе искусства воссияла сверхновая звезда по имени, по имени...

Вот тут-то Светлана и придумала мужу псевдоним – Леон Кречет, с ударением на последний слог. В течение всего лишь одного года это имя стало торговой маркой – супруги побывали во многих странах Европы, в Америке, где публика встречала их восторженными овациями, а критики – благосклонными отзывами.

Картины Кречета (а у него их было не меньше полутора сотен) разошлись по коллекциям известных музеев и частным собраниям толстосумов в течение нескольких месяцев. Спрос превышал предложение во много раз, ажиотаж не угасал.

Наконец-то Леонид Кречетов, превратившись в Леона Кречета, смог позволить себе то, о чем так долго мечтал, – шикарный особняк, коллекцию супердорогих автомобилей, сонм почитателей и воздыхателей. Он запустил в оборот легенду о своем царском происхождении и даже заявил в одном интервью, что если в России будет восстановлена монархия, то именно он, как прямой наследник Романовых по мужской линии, имеет право на трон.

Монарху требовался замок, и он получил его, когда переселился в великое княжество Бертранское, крошечное государство на Лазурном Берегу. Выкупив у дряхлого аристократа бывшее семейное гнездо, Леон превратил его в свою центральную резиденцию (помимо этого, имелось еще шале в Санкт-Морице, квартира с видом на Центральный парк в Нью-Йорке и ферма в Аргентине) и принялся с неистовым упорством работать над созданием мифа.

У него было все, что ему требовалось, – любящая жена, малютка-дочка, миллионы почитателей, головокружительный успех и неиссякаемый источник доходов – собственный талант. Но Кречету требовалось больше: он желал получить бессмертие, если не физическое, так творческое. А для этого ему была необходима пресса. Как и прессе – он сам. Леон охотно появлялся на светских приемах, вечеринках для звезд, гала-представлениях и бенефисах. Вначале его сопровождала Светлана вместе с дочерью Лизой, но публике быстро наскучила семейная идиллия – от Кречета, который к тому времени отрастил седые локоны и мушкетерскую бородку, требовался эпатаж.

Игра в «une bonne famille» завершилась так же внезапно, как и началась, – Кречет путешествовал по миру в сопровождении льстецов и продажных журналистов, позволяя фотографировать себя голым в джакузи с проститутками, облаченным в императорскую мантию в компании фотомоделей, на массажном столе, с кинозвездами.

Лиза знала, что мама страдает – ведь она любила мужа. А тот обожал только одного человека – самого себя. Он как-то заявил Светлане, что если она действительно его любит, то должна смириться с его образом жизни, ни во что не вмешиваться, а покорно ждать, как Пенелопа ждала триумфального возвращения Одиссея во дворец на Итаке.

* * *

Светлана все больше уходила в себя и замыкалась (чему способствовала гибель ее родителей в автокатастрофе). Она стала редко показываться на публике, злоупотреблять спиртным и сигаретами. Лиза знала, что родители давно не спят в одной спальне, они даже жили в

разных крылах огромного замка, набитого антикварной мебелью, драгоценностями и мраморными статуями. Они иногда встречались в гостиной, и зачастую оказывалось, что Леон был не один, а в обществе смазливых девушек, готовых на все, лишь бы оказаться в объятиях всемирно известного художника. Кречет не скрывал, что меняет женщин, как носки, щедро одаривает их после завершения интрижки, и без стеснения заявлял, что его жена с пониманием относится к его «мужским потребностям».

Светлана дважды пыталась покончить жизнь самоубийством: один раз наглоталась снотворных таблеток и запила их шампанским – ее обнаружила горничная и вызвала медиков. А через пару лет, когда во время празднования юбилея Кречета окрестности замка освещал фейерверк, она вскрыла себе вены. Муж даже не пригласил ее на праздник, как будто забыв о ее существовании! Но кровь свернулась, что и спасло Светлане жизнь.

И вот, словно услышав ее тайные молитвы, судьба ниспослала ей неизлечимую болезнь. Леон не проявлял ни сочувствия, ни хотя бы участия. Только единожды он навестил Светлану в ее покоях и гордо сообщил жене, что его наградили орденом Почетного легиона, заявив в дополнение, что она должна сопровождать его на церемонию вручения в Елисейский дворец.

Лизе было безмерно жаль маму, и она была очень зла на отца. Но девушка любила их обоих!

Про себя Лиза частенько думала: все, кто завидует ей, немедленно отказались бы от чести быть дочерью гения, узнай они, что выпало на ее долю. Отца она видела лишь изредка за обеденным столом, в компании покупателей, в бассейне, в обществе девиц в бикини и без оных, на экране телевизора и на страницах журналов, в окружении поклонников его таланта: по его собственным словам, Леон хотел наверстать все то, чего у него не было в Советской России. А вспомнив о дочери, он заваливал ее дорогими и ненужными подарками – фарфоровыми куклами в старинных одеждах, бриллиантовыми украшениями, редкими зверушками.

Мама, превратившаяся в некое подобие себя, стала живой тенью, потерявшей веру в себя и мужа. Она тоже не занималась дочерью, предпочитая проводить время в своих апартаментах, рассматривая картины, написанные супругом, – на них была изображена она сама: молодая, полная жизни и здоровья. Ее дневной нормой стали три пачки сигарет и бутылка виски.

Тяжелая болезнь супруги Леона Кречета журналистов особо не заинтересовала. Их более привлекали сексуальные эскапады самого художника, который дал согласие журналу «Плейбой» провести в замке фотосессию – он сам в роли Калигулы, а нимфетки и старлетки – в роли патрицианок, рабынь и наложниц.

В конце концов Кречет заявил, что не потерпит превращения замка в филиал клиники, и Светлану поместили в одну из клиник в Ницце. Химиотерапия и радиотерапия положительных результатов не принесли: Светлана угасала с каждым днем. Корифеи в области онкологии, которых отец Лизы щедро оплачивал, сетовали, что невозможно помочь пациентке, которая сама поставила на себе крест и смирилась с ужасной участью, а к тому же продолжает курить, невзирая ни на какие запреты.

Полгода, отведенных светилами от медицины, пролетели быстро. Приближался шестнадцатый день рождения Лизы. Она навещала маму каждый день, но Светлана иногда и не узнавала дочь, находясь в полузабытии под воздействием снимающих боль наркотических средств. Девушка подолгу держала маму за руку, гладила ее по тонкой руке, обтянутой алебастровой кожей, сквозь которую виднелись сиреневые артерии и вены.

* * *

Леон Кречет посетил клинику всего один раз, постоял около кровати жены, склонив голову, испуганно отшатнулся, когда возникла медсестра с эмалированным корытцем, в котором лежали шприц и ампула, и спасся бегством в коридор, где долго-долго раздаривал авто-

графы понаехавшим поклонникам своего таланта и со смехом отвечал на вопросы журналистов, словно забыв – или в самом деле забыв! – о том, что всего в нескольких метрах умирает его подключенная к аппарату искусственной почки жена.

Больше всего Светлана боялась, что скончается в день рождения Лизы, но именно так и произошло. В тот декабрьский день было пасмурно, на море вздувал бахромой волн ветер, пришедший из холодной Атлантики. Накануне лечащий врач сообщил Лизе, что финала осталось ждать недолго: день или два, от силы – неделю. Она сообщила об этом отцу, но тот попросил не отвлекать его по пустякам и удалился в ателье.

В дверь Лизиной комнаты постучали, вошел чопорный дворецкий и, протягивая ей трубку радиотелефона, сообщил:

– Мадемуазель, звонок для вас.

Ей исполнилось шестнадцать лет, но Лиза знала, что никто не будет звонить, дабы поздравить ее. Отец никогда не помнит о чужих днях рождения, а если вдруг и вспомнит, то появится под вечер с бархатной коробочкой, в которой лежит драгоценная подвеска или браслет. Как будто подарком можно купить любовь дочери! Значит, этот звонок...

– Мадемуазель Кречет? – услышала Лиза голос главного врача клиники и сразу поняла, что не ошиблась в своих предположениях. – Увы, я вынужден сообщить вам печальную весть. Десять минут назад мадам Кречет скончалась. Примите мои самые искренние...

Лиза не знала, что делать. Кричать? Плакать? Биться в истерику? Какое-то время она сидела на кровати, затем подошла к большому стрельчатому окну, выходившему в сад. Отец! Она должна сообщить ему!

Она бросилась из комнаты, чуть не сбив с ног горничную, которая несла стопку белья, по лестнице скатилась вниз, на первый этаж, пересекла нескончаемую анфиладу комнат и вылетела в сад.

Девушка направилась к ателье, твердо зная, что отец будет недоволен. Еще бы, ведь она отвлекает его от работы! Но сейчас она не может соблюдать глупые правила дворцового этикета, введенные отцом для того, чтобы тешить собственное непомерное самолюбие.

Лиза подошла к стеклянной стене ателье и замерла. Ее глазам предстала такая картина – на большом деревянном столе, меж эскизов, мольбертов и тюбиков с краской, лежала абсолютно нагая рыжеволосая девица, и над валькирией склонился, утешая ее, Леон Кречет.

Несколько показавшихся необычайно долгими секунд Лиза наблюдала за этим животным сексом. До нее донесся тонкий, визгливый голос отца и раскатистые стоны девицы. Щеки Лизы запылали, но не от стыда, а от гнева. Ворваться в ателье? Вышвырнуть девицу вон? Накричать на отца? Но что это даст? Он ведь – гений, а значит, не подвластен правилам, по которым живут обычные, такие, как она сама, люди.

Девушка развернулась и отправилась прочь. Через сорок минут она была в клинике – облаченная в черное платье, перчатки и с маленькой черной сумочкой на длинном ремешке.

Светлана, лежавшая на кровати, выглядела умиротворенной. Боль отступила, отчаяние исчезло, невзгоды прошли. Лиза поцеловала маму в прохладный лоб и поняла, что ее детство бесповоротно закончилось.

* * *

Вернувшись в замок, она узнала, что отец в сопровождении свиты укатил в Рим. Связаться с ним Лиза смогла только поздно вечером, разыскав его в отеле. Из трубки слышались глупый женский хохот и «выстрелы» откупориваемого шампанского.

– Мама умерла, – коротко сообщила отцу Лиза.

Кречет, подумав, ответил:

– Я сейчас очень занят, у меня несколько чрезвычайно важных потенциальных покупателей из Штатов. Я ведь знаю, на тебя можно положиться. Так что займись похоронами. Я вернусь послезавтра.

Только много позже Лиза поняла – отец никогда не любил по-настоящему ни маму, ни ее саму. Иначе разве он поручил бы шестнадцатилетней дочери подготавливать траурную церемонию!

В ту субботу, когда на одном из бертранских кладбищ хоронили Светлану Кречет, моросил дождь и дул пронзительный ветер. Отец обещал прибыть к одиннадцати, но его не было ни в половине двенадцатого, ни в двенадцать. Лиза, заметив смущение на лице православного священника, прибывшего из Парижа, решила начать отпевание.

Леон Кречет появился в тот момент, когда рабочие осторожно спустили гроб в могилу. Отец был в сопровождении своей свиты и держал под руку ту же рыжеволосую девушку, с которой занимался сексом в ателье в день смерти Светланы. Постояв на краю могилы, он вытащил из кармана длиннополного черного пальто примятую белую розу и бросил ее на крышку гроба.

– А теперь поминки! – раздался голос кого-то из его прихлебателей. – Мэтр, для нас заказан кабинет в «Крылатом льве», самом эксклюзивном ресторане Бертрана!

Девушка захлопала в ладоши и завопила:

– Ах, «Крылатый лев», я там еще ни разу не была! А правда, что там регулярно бывают Элизабет Тейлор и Ричард Бартон? Лео, малыш, поедем-ка быстрее, а то я уже замерзла на чертовом ветру!

Шумная гоп-компания удалилась, и Лиза осталась одна около могилы. Она мысленно попрощалась с мамой и, когда первые комья земли упали с лопат рабочих на темно-красную полированную крышку гроба, пошла прочь с кладбища, оставляя на нем то самое дорогое, что было у нее в жизни.

Лиза не могла поверить, что в день похорон мамы отец покинет замок и отправится развлекаться. Видимо, таким образом он пытался справиться с охватившим его безмерным горем – во всяком случае, эти слова вынес в заголовок один из глянцевого журналов.

Смерть жены, казалось, совершенно не затронула Леона. Он продолжал творить в ателье, причем очень часто в обществе рыжеволосой бесстыдницы, которая ни на шаг не отходила от овдовевшего художника. Праздник следовал за праздником, вернисаж за вернисажем. О том, как отец проводит время, Лиза узнавала из светских новостей.

* * *

Так прошло восемь месяцев.

За день до открытия Большой регаты, традиционно стартовавшей в первые дни августа, Леон вызвал к себе дочь. Дворецкий передал Лизе, что отец желает ее видеть. Она последовала в ателье. Вошла, окинула взглядом просторное помещение. Картины с изображением мамы давно исчезли – они были проданы с аукционов и нашли пристанище в галереях и частных коллекциях. Их место заняли изображения Анабеллы, той самой красноволосой ведьмочки, с которой Леон Кречет появлялся теперь в обществе.

Отец в задумчивости стоял около только что законченного полотна. На нем тоже была изображена нагая Анабелла, сидящая в бесстыдной позе на столе, – рыжие волосы, красные губы, хищные бордовые ногти, а из одежды – ожерелье из квадратных изумрудов, которые отец когда-то подарил маме в качестве знака вечной любви.

– Вижу, тебе тоже нравится, – произнес самодовольно Леон Кречет, завидев дочь. – Это мой самый гениальный шедевр!

– Ты же говорил... – начала Лиза и смолкла.

К чему напоминать отцу, что своей лучшей картиной он до недавнего времени считал портрет мамы на берегу Амазонки, купленный каким-то японским мультимиллионером для украшения своего офиса. Девушка подошла к полотну. Отец прав, назвав его лучшим своим произведением. Лиза знала толк в живописи – Леон когда-то давал ей уроки, быстро, правда, прекратившиеся, – и увлекалась историей искусства.

Мама ушла. Ее место заняла Анабелла, вчерашняя школьница, ставшая в одночасье фотомodelью. Лиза сжала кулаки – ногти впились в кожу, – чтобы не заплакать. Та, что была изображена на картине, находилась тут же, в ателье, – Анабелла с обнаженной грудью восседала на столе и победоносно смотрела на отца и дочь.

– Малыш... – произнесла она (это ее обращение Лиза ненавидела, но отцу, которому под семьдесят, явно было приятно воображать, что молодость еще не покинула его). – Скажи ей, малыш! Ты ведь для этого позвал ее!

Двадцатилетняя Анабелла была родом из Эльзаса и говорила по-французски со смешным акцентом. Помимо отца и матери, у нее имелось огромное количество братьев и сестер, на содержание которых Кречет отпускал большие суммы. Лиза не раз задавалась вопросом о том, что же такое отец нашел в Анабелле, и каждый раз приходила к ответу – секс. На нем и строились их отношения: стареющий бонвиван никак не хотел признавать, что возраст постепенно берет свое.

Отец помялся, набросил на холст кусок белой ткани и, кашлянув, заговорил:

– Лиза, ты уже большая девочка...

– Ничего себе девочка! – расхохоталась Анабелла, вытягивая руку, украшенную кольцом с непомерным бриллиантом. – Ну ты и сказал, малыш!

Лиза отметила, что отец нервничает. Он перешел на русский:

– Я хотел, чтобы ты была первой, кто это узнает...

– О чем вы там шепчетесь? – произнесла недовольным тоном Анабелла, подобно пантере, соскользнула со стола и подошла к Леону. Лизе бросилась в глаза не только разница в росте (красотка была на голову выше художника), но и в возрасте.

– Ты же знаешь, что меня всегда влекло к молодым женщинам... – произнес отец, возвращаясь на французский. – Поэтому мы с Анабеллой... мы...

– Малыш, я жду... – Рука с бриллиантовым перстнем проползла по груди художника. Затем девица, вскинув голову (рыжие волосы каскадом упали на плечи), с прищуром взглянула на Лизу и объявила: – Мы поженимся!

Лиза отшатнулась и спросила у отца:

– Рара, скажи мне, что это шутка! Она тебя не так поняла!

– Мы поженимся! – расхохоталась Анабелла и постучала ногтем по перстню. – А это подарок малыша к нашей помолвке.

Лиза подняла взгляд на девицу:

– Вы плохо знаете своего малыша. Он наверняка передумает.

– Не передумает! – заявила с уверенностью Анабелла и поцеловала отца в морщинистую щеку. – Ведь так, малыш? Тебе будет без меня плохо, очень плохо! – Анабелла ослабилась, и на мгновение Лизе показалось, что в ее изумрудных глазах сверкнули дьявольские искорки. – А ты ведь не хочешь, детка, чтобы твоему милому папочке было плохо, очень плохо? И поэтому наша свадьба состоится на следующей неделе. А когда я стану мадам Кречет, мы все проживем одной большой и дружной семьей!

– Ты не можешь! – прошептала Лиза, обращаясь к отцу. – Папа, прошу тебя! Прошло всего восемь месяцев...

– Ну и что? Угнетающие мысли плохо сказываются на творчестве моего малыша, – промурлыкала Анабелла, надвигаясь на Лизу.

– Вы... ты младше его... почти на пятьдесят лет! – крикнула девушка в отчаянии.

– Всего лишь на сорок семь, – ответила Анабелла, подходя к Лизе. – Запомни, детка, желания малыша для меня закон. Он сам сделал мне предложение, и я не могла отказаться. И если ты любишь папочку, то не будешь вставлять нам палки в колеса. А что касается разницы в возрасте... Твоя покойная мамаша тоже была моложе малыша!

Свадьба состоялась пять дней спустя. В Бертран на открытие Большой регаты прибыли сливки европейского и заокеанского общества, и бракосочетание Леона Кречета и Анабеллы стало гвоздем сезона.

Лиза заперлась в своей комнате и наотрез отказалась принимать участие в этом представлении. До нее доносились выстрелы из пушек, а ночью черное небо окрасили всполохи свадебного фейерверка. Гости наводнили замок, и даже сквозь закрытые двери и окна до Лизы долетали обрывки фраз:

- На невесте одних драгоценностей на пять миллионов...
- Сам великий князь вальсировал с ней...
- О, Анабелла станет достойной заменой бедняжки Светланы...

Лиза улеглась в кровать и, зарывшись лицом в подушки, молила только об одном – чтобы все оказалось страшным сном: и свадьба отца с Анабеллой, и бесцеремонные гости, и смерть мамы...

Но избавление не приходило. Девушка забылась тяжелым сном лишь под утро. Очнувшись она от громких голосов. Открыв глаза, Лиза увидела Анабеллу в халате, стоящую возле распахнутого шкафа. Лиза метнулась с кровати и, оттолкнув девицу, ставшую ее мачехой, заявила:

– Тебе нечего здесь делать, это моя комната!

– Бедняжка, как же я тебе сочувствую! – покачала головой Анабелла. – У тебя, как и у твоей покойной матушки, нет ни мозгов, ни вкуса. Ты что-то сказала о том, что это твоя комната? Пока что твоя...

Что именно значили зловещие слова Анабеллы, Лиза поняла через два дня, когда в замок явились крикливые и беспардонные родственники юной мачехи. Заметив, с каким мученическим лицом Лиза взирала на их ораву, Анабелла спросила:

– Тебе что-то не нравится?

– Замок большой, но он не рассчитан на такое огромное количество гостей, – дерзко ответила Лиза.

– В таком случае, детка, никто не удерживает тебя здесь! – зло парировала Анабелла. – Уезжай, и освободится еще одна комната. Как и после смерти твоей мамашы.

Отец, безучастно сидевший во главе стола, ничего не сказал. Анабелла полностью прибрала его к рукам, скрутив и сведя с ума.

– Малыш, – произнесла Анабелла, подплыв к мужу, – мы уже говорили с тобой на эту тему... Твоей дочери требуется хорошее воспитание, поэтому она должна отправиться в интернат. Целебный швейцарский воздух придает небывалые силы. Причем покинуть нас она должна как можно быстрее!

* * *

Выбор отца (или Анабеллы?) пал на закрытую швейцарскую школу для девушек, славившуюся своими строгими нравами. Напрасно Лиза умоляла отца не отсылать ее прочь, он делал только то, что нашептывала ему на ухо Анабелла. По ее злонамеренной прихоти Лизе не было даже разрешено взять с собой фотографию мамы.

Интернат располагался в небольшой долине, окруженной со всех сторон горами. Ученицами в нем были девушки разных национальностей в возрасте от тринадцати лет до двадцати одного года, и объединяло их одно: все они были отпрысками богатых и известных родителей, которые отправили дочек (племянниц, падчериц) в Швейцарию, подальше от семьи. Лиза

быстро подружилась со многими товарками и с горечью убедилась: большинство из них попали за границу после того, как отец – председатель правления крупного концерна, сенатор или генерал, – переживая вторую, а то и третью весну, снова женился и привел в дом молодую супругу, тотчас возненавидевшую падчерицу.

Девушек обучали иностранным языкам, прививали им хорошие манеры, отучали от дурных привычек и вкладывали в голову мысль о том, что их единственная цель – удачно выйти замуж и верой и правдой служить мужу, рожая ему отпрысков.

Свободное время большая часть учениц проводила в крытом бассейне, Лиза же предпочитала выходить с мольбертом на большую террасу, с которой виднелись покрытые снегом вершины. Она пробовала рисовать их, но это ей быстро наскучило. Тогда она попыталась воспроизвести по памяти один из портретов мамы, выполненный отцом много лет назад. Однажды, увлеченная процессом, она не заметила, как к ней подошла директриса интерната.

– У вас, мадемуазель, поразительно получается, – похвалила она. – Однако, скажите на милость, где же я видела эту картину?

По ночам, лежа в кровати и не в состоянии заснуть (подружки тихонько переговаривались, обмениваясь сплетнями о поцелуе с помощником садовника или повествуя о тайной вылазке в близлежащую деревню, где их ждали молодые увальни), Лиза в подробностях реконструировала мысленно полотно отца, на которых была изображена мама, – каждый штрих, оттенок, деталь.

Два раза в год воспитанниц отпускали по домам – на пасхальные и рождественские каникулы. В первый же приезд Лиза поразились тому, как переменялся отец, – из энергичного бонвивана он превратился в испуганного старика, заискивающего перед своей молодой женой. Анабелла полностью сменила обстановку в замке, а также сделала из маминой спальни и прилегавших к ней комнат огромный будуар.

В следующие каникулы поездка домой не состоялась – директриса сообщила Лизе о своем разговоре с Анабеллой, которая сказала, что они все простужены, а потому визит девушки лучше отложить до лучших времен. Лиза пыталась дозвониться до отца, но каждый раз трубку брал дворецкий, причем не тот, что служил у них много лет, а новый, нанятый Анабеллой. Заслышав ее голос, он отвечал, что месье Леон занят. Отец был занят двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю и триста шестьдесят пять дней в году!

Лиза с нетерпением ждала своего восемнадцатого дня рождения. Из угловатого нескладного подростка она превратилась в миловидную девушку с длинными рыжими волосами и тонкой фигурой (кормили в интернате по-спартански).

Ей преподнесли торт с восемнадцатью свечами, под всеобщие аплодисменты Лиза задула их и загадала желание – она хотела вернуться домой. И надо же – ее желание сбылось. Директриса торжественно объявила:

– Мадемуазель, согласно законам Бертрана, страны, подданной которой вы являетесь, в восемнадцать лет вы становитесь совершеннолетней...

Она хотела сказать что-то еще, но Лиза прервала ее:

– Мадам, когда я могу покинуть интернат?

– Но, мадемуазель, ваша мачеха внесла плату еще за три года вперед... – залепетала директриса.

Лиза улыбнулась:

– Вы же сами сказали, что я стала совершеннолетней, и удерживать меня в интернате против моей воли вы не имеете права. Я благодарна вам за те знания, которыми одарили меня здесь, но сейчас я хочу одного – убраться отсюда!

Ее слова потонули в криках восторга – до сей поры никто не смел перечить всемогущей директрисе.

Интернат Лиза покинула на следующее утро. Собрав те немногочисленные пожитки, что у нее имелись (ей приходилось довольствоваться тремя черными платьями с глухой горловиной, домоткаными гамашами, коричневыми туфлями на низком каблуке, полушубком с кроличьим воротником и смешной старомодной шляпкой), она позволила отвезти себя до железнодорожной станции, откуда добралась до Женева. Затем на самолете – благо, что подруги собрали ей деньги на авиабилет, – долетела до Ниццы.

А уж оттуда по горному серпантину было рукой подать в Бертран, где находился замок отца.

* * *

Лиза прибыла домой под вечер. Директриса наверняка уже позвонила и сообщила, что ее воспитанница возвращается, и Анабелла наверняка приготовила «теплый прием». Отдав водителю такси последние три купюры, Лиза подошла к витым чугунным воротам и нажала кнопку звонка. Она заметила две телекамеры, которые были установлены на колоннах.

– Что вам надо? – раздался в динамике грубый мужской голос.

– Я вернулась, – сообщила Лиза. – Откройте, пожалуйста, ворота.

Собеседник отключился. Подождав несколько минут, Лиза нажала кнопку еще раз. Тот же голос произнес:

– Вали отсюда, пока я не вызвал полицию. Это частное владение, тебе понятно?

– Я – Лиза Кречет! – воскликнула девушка, поражаясь новым порядкам.

Собеседник хрюкнул и замолчал. Наконец, после долгого ожидания и бесплодных попыток привлечь к себе внимание при помощи звонка, Лиза услышала в динамике голос со знакомым эльзасским акцентом:

– Детка, что ты здесь делаешь? И как ты тут оказалась? Ты что, сбежала из интерната?

– Директриса разве не звонила? – осведомилась тактично Лиза. – Наверное, новый дворецкий не соединил ее с тобой, мамочка. Так ты мне откроешь? Или мне придется прямо здесь созвать пресс-конференцию, чтобы весь мир узнал, что ты не желаешь пускать в дом дочку, дорогая мамочка?

Угроза подействовала, и ворота распахнулись. Лиза двинулась к замку – сад запустел, здание обветшало. Дверь ей открыл высоченный дворецкий с физиономией наемного убийцы. Анабелла была тут как тут – в вечернем туалете, увешанная драгоценностями. Она приблизилась к Лизе, всплеснула руками и произнесла:

– Как ты изменилась!

– Мы давно не виделись, – ответила Лиза и вручила чемодан дворецкому. – Отнесите вещи в мою комнату.

Тот вопросительно посмотрел на Анабеллу.

Мачеха приказала:

– В комнату для гостей. Детка у нас долго не задержится.

– Отчего же? – ответила спокойно Лиза и посмотрела в глаза Анабелле. Та, не выдержав, отвела взгляд. – Или мне не рады в родном доме?

Мачеха засуетилась, потащила девушку в столовую, желая накормить ее ужином, но Лиза, с трудом отделавшись от ее цепких объятий, заявила:

– Я хочу видеть отца!

– Он уже спит в столь позднее время, – ответила Анабелла.

– С каких пор он ложится спать засветло? – изумилась девушка. – Еще недавно он был в состоянии гулять и праздновать всю ночь напролет.

– Времена меняются, – загадочно ответила Анабелла и, махнув дворецкому рукой, велела: – Отведи ее к малышу!

Они поднялись на третий этаж – Лиза отметила, что Анабелла приложила свою ручку не только к появлению нового интерьера, но и к перепланировке замка. Отец, раньше занимавший целое крыло, проживал теперь в помещениях, некогда предназначенных для прислуги. Постучав и распахнув дверь, дворецкий со странной улыбкой позволил Лизе войти в комнату.

Она была плохо освещена – на стене, обитой рванными шелковыми обоями, горел ночник. Отец, склонив голову, сидел в кресле. Лиза бросилась к нему и, только опустившись перед Леоном Кречетом на колени, поняла, что кресло было не обычное, а инвалидное.

– Папа! – воскликнула шокированная девушка. – Что с тобой произошло?

Отец с трудом поднял голову, и Лиза увидела перед собой развалину: от некогда густых и длинных пепельных волос практически ничего не осталось, отец был почти лыс, щеки запали и были покрыты странными пятнами, нос загнулся крючком, стильная борода превратилась в нестриженный седой веник.

– Лиза! – произнес Кречет странным сиплым голосом. – Моя девочка! Я знал, что все-таки увижу тебя до того, как умру!

Сколько раз она проклинала отца, сколько раз в сердцах желала ему зла – и вот, кажется, ее самые страшные проклятия сбылись. Отец был закутан в несколько пледов и шалей, но и это не спасало его от холода – старик дрожал. Исхудавшей рукой, больше похожей на длань мертвеца, чем живого человека, – с пергаментной кожей, зелеными, змеящимися под ней венами и сизыми ногтями, – Леон дотронулся до щеки дочери, и Лиза едва сдержалась, чтобы не отшатнуться.

– Папочка! – зашептала Лиза (дверь была приоткрыта, и она видела фигуру притаившегося на пороге и внимающего ее разговору с отцом дворецкого). – В чем же дело?

– Это кара за мои прегрешения! – прошамкал старик, и Лиза увидела его кровоточащие беззубые десны. – Я бросил Свету на произвол судьбы, оставил умирать от страшной болезни – и вот сам оказался в ее лапах. У меня, как и у твоей матери, рак, причем неоперабельный. Все движется к финалу!

Лиза обняла отца и поцеловала в холодную щеку.

– Месье Леону нужен покой, – сообщил, возникая в комнате, дворецкий. – Таково предписание докторов. Прошу вас, мадемуазель!

Вошел еще один слуга, как и дворецкий, молодой мужчина лет двадцати девяти – тридцати, смазливой внешности и с хитрыми бегающими глазками. Он держал в руках серебряный поднос, на котором стояла дымящаяся пиала.

– Ваш куриный бульон, месье, – провозгласил слуга и обменялся с дворецким, как показалось Лизе, многозначительным взглядом.

Девушка отказалась от ужина и пожелала видеть Анабеллу. После долгих уверений прислуги, что «мадам соизволит почивать», Лизе все же удалось проникнуть в ее будуар. Размерами он был с футбольное поле. Посередине на мраморном полу находилась кровать в форме морской раковины, застеленная шелком цвета индиго. Анабелла была не одна, а в компании молодого мужчины с гладкими зачесанными волосами и хищной улыбкой. Девушка, войдя в будуар, застала мачеху сидящей на пуфе перед огромным зеркалом. Облаченный в смокинг мужчина склонился к шее Анабеллы. Лизе показалось, что он целует мачеху.

– Благодарю, доктор! – произнесла, подымаясь, мачеха. – Ожерелье расстегнулось, и вы были столь любезны, что помогли мне его застегнуть.

На шее у Анабеллы было жемчужное кольцо, принадлежавшее когда-то маме, отметила Лиза. Застежка его была искусно спрятана в крупном сапфире, который покоился на груди у Анабеллы. Интересно, каким образом месье доктор помогал ей застегнуть ожерелье?

– Какой неожиданный визит! – протянула мачеха. – Я переговорила с гусыней-директрисой, она мне все сообщила. Мы же оплатили еще три года твоего пребывания в интернате, а ты своевольно вернулась. Пустая трата денег!

Лиза, усевшись без приглашения на один из пуфиков, взяла с туалетного столика шкатулку с драгоценностями, раскрыла ее и произнесла:

– Во-первых, милая мамочка, мне уже восемнадцать, и я имею полное право делать то, что считаю нужным, а во-вторых... Боже, какой рубин! Вот уж что точно пустая трата денег, так это твоя прихоть, дорогая мамочка, произвести в замке значительные переделки. И ты наняла новую прислугу. Чем тебе не угодила старая?

Анабелла вырвала из рук падчерицы шкатулку, захлопнула крышку и ядовито заметила:

– Ты очень изменилась, детка. И не только внешне!

– Ты же знаешь, дорогая мамочка, целебный швейцарский воздух придает небывалые силы, – ответила Лиза. – Тебе, кстати, тоже не помешало бы пожить и поучиться в интернате несколько лет!

Месье доктор хмыкнул, Анабелла гневно взглянула на него.

– Ты собираешься остаться в замке? Если да, то хочу предупредить тебя, что ввиду тяжелой болезни моего дорогого малыша я не могу позволить тебе нарушать его покой.

– А как же твой гость? Он не мешает отцу? – спросила Лиза.

Анабелла нехотя представила субъекта в смокинге:

– Доктор Барни, лечащий врач твоего отца.

– Вы – онколог? – спросила Лиза, пожимая руку доктора. – Когда же вы успели стать специалистом в этой столь сложной области медицины и набраться опыта, доктор? Или вы вундеркинд и закончили университет в шестнадцать?

– В пятнадцать, – нагло ответил доктор, и Лиза окончательно уверилась, что он никакой не врач.

– Вы практикуете в Бертроне? Или в Ницце? – продолжила она расспросы.

Анабелла поднесла к вискам тонкие пальцы и простонала:

– Доктор Барни – одно из светил медицины, я ему доверяю, как себе. Когда же это все прекратится! Как мне надоели нескончаемые анализы, диагнозы!

– Тогда, может, имеет смысл взять другого врача? – заметила Лиза. – Что же такое с отцом?

– У него рак, – быстро ответила Анабелла.

– Это я уже слышала, – вздохнула Лиза. – Но какой именно тип заболевания? Доктор Барни, не могли бы вы объяснить мне все нюансы?

Субъект в смокинге беспомощно взглянул на Анабеллу. Та охнула:

– Мы опаздываем! Нас ждут на приеме в великокняжеском дворце!

– Как же так, любезная мамочка? Ты же вроде бы готовилась отойти ко сну... – усмехнулась Лиза. – Или уже передумала? Судя по наряду и украшениям, так и есть. Вы собираетесь на прием? И ты думаешь, мамочка, что это в порядке вещей, чтобы супруга тяжелобольного отправлялась веселиться? Притом в компании с... доктором...

В зеленых глазах Анабеллы Лиза заметила страх. Мачеха пролепетала:

– Доктор поговорит с тобой... завтра. Сейчас мы опаздываем, детка! Нельзя же заставлять великого князя ждать, в самом деле!

Они удалились. Дворецкий проводил Лизу в отведенную ей комнату. Замок, который когда-то был ее домом, походил не то на пришедший в упадок отель, не то на дорогой бордель – вот что подумала она, идя по коридорам. А когда слуга удалился, девушка выскользнула из комнаты и попыталась заглянуть в другие помещения. Но все они были закрыты.

Ночью Лиза не сомкнула глаз. Примерно в половине четвертого она услышала в отдалении пьяный женский смех (Анабелла) и мужской голос (самозванный доктор Барни). Прокравшись на цыпочках к главной лестнице, Лиза увидела мачеху и «специалиста по онкологии» – они неистово совокуплялись на ее пролете, предпочтя делать это в полной экипировке. Анабелла молотила кулачками по спине «доктора», а тот, рыча и стона, кусал ее за шею.

Лиза, почувствовав тошноту, отвернулась. Анабелла обманула отца. Наверняка она вышла за него замуж, чтобы заполучить доступ к сладкой жизни. А теперь, когда он находится при смерти, она изменяет ему!

На следующий день Лиза попыталась найти в телефонном справочнике имя доктора Барни, но так и не смогла. Затем позвонила в ассоциацию медиков Бертрана, и там ей сообщили, что онколога с таким именем нет ни в княжестве, ни в Ницце.

Девушка захотела увидеть отца, но Анабелла запретила, заявив, что «малыш переутонул». Лиза через агентство по найму прислуги вышла на бывшего дворецкого и горничных, и те поведали ей, что в одночасье были уволены мадам без объяснения причин. Каждый из них получил солидное вознаграждение, поэтому проблем не возникло. Откуда в замке отца появились новые слуги, никто не знал, в любом случае они были наняты не через агентство.

Когда Лиза сказала Анабелле, что хочет повидаться с доктором Барни и поговорить с ним, мачеха ответила, что доктор очень занят и у него нет времени на такие пустяки.

– Ты называешь пустяками мое желание узнать о состоянии отца? – спросила Лиза.

– Все, что надо, тебе уже известно, – заявила мачеха, и от этих ее слов по спине у Лизы пробежали мурашки.

Девушка продолжила свои изыскания, ей хотелось получить ответы на возникшие вопросы. В газетах не нашлось сообщения о приеме в великокняжеском дворце накануне вечером, и в пресс-секретариате его высочества подтвердили: ни великий князь Виктор-Иоанн, ни его супруга великая княгиня Беатриса не устраивали на неделе никаких приемов.

Тогда Лиза отправилась в полицию, где изложила ставшие ей известными факты и потребовала ареста Анабеллы. Комиссар полиции, внимательно выслушав девушку, сказал:

– Я поклонник таланта вашего отца, мадемуазель, и мне очень жаль, что он тяжело болеет. Однако для нашего вмешательства не вижу ни малейшей причины.

– Анабелла намеренно ничего не делает, желая, чтобы мой отец умер от рака, а это преступление! – возразила Лиза.

– Сначала нужен труп, потом мы примемся за расследование, – заявил грубовато комиссар. – Если у вас имеются сомнения в отношении вашей мачехи, то мой вам совет – наймите частного детектива.

Лиза так и сделала, и тот, получив портреты «доктора», а также дворецкого и слуг, нарисованные Лизой по памяти, пообещал немедленно заняться установлением их личности. Вслед за тем девушка посетила двух онкологов, практиковавших в княжестве, и попросила их сопроводить ее в замок, где они могли бы оценить состояние Леона Кречета.

Миновав испуганного дворецкого, Лиза и два медика направились в комнату, где обитал отец. Едва оба онколога поздоровались с художником и приблизились к креслу, в котором он сидел, в комнату ворвалась Анабелла. Она была похожа на разъяренную фурию.

– Что ты себе позволяешь, девчонка! – завопила она. – Леон – мой муж! За ним следит доктор Барни, и нам больше никто не требуется! Все прочь отсюда!

Так и не осмотрев больного, медики были вынуждены ретироваться. Анабелла внимательно проследила за тем, чтобы они покинули пределы поместья.

– Мне уже сообщили, что ты была в полиции и пыталась обвинить меня черт знает в чем, – зловеще заговорила мачеха.

– Я видела вчера ночью тебя, дорогая мамочка, и доктора Барни, – ответила Лиза. – Вы занимались...

Анабелла, слегка покраснев, прервала ее:

– Никто тебе не поверит! Все знают, что я обожаю моего малыша. Доктор Барни – мой добрый друг, не более того. О, я поняла, ты сбежала из Швейцарии, чтобы превратить нашу размеренную жизнь в ад! Поэтому ты должна немедленно покинуть замок. И никогда больше ты не переступишь его порога!

Дюжий дворецкий потеснил Лизу. В конце концов ей не оставалось ничего другого, как покинуть замок. На прощанье Анабелла заявила:

– Ты уже совершеннолетняя, детка, поэтому нечего ошиваться в доме родителей. Зарабатывай на жизнь сама и не мешай нам. А если посмеешь возвести на меня поклеп, то тебе придется иметь дело с моими адвокатами!

Врачи сообщили Лизе, что ничем не могут помочь ей – Анабелла как законная супруга Леона имела полное право запретить им находиться на территории поместья. Один из них, почитатель таланта отца, дал Лизе триста франков и посоветовал не вмешиваться в происходящее.

– Ваша мачеха настроена решительно, мадемуазель, и закон на ее стороне. Пока не доказано наличие злого умысла, ни мы, ни полиция ничего поделать не сможем.

Девушка сняла самый дешевый номер в одном из отелей Бертрана. Всю ночь она не смыкала глаз, размышляя о том, что можно предпринять. Средств к существованию у нее не было: от трехсот франков, подаренных медиком, осталась половина, которая грозила быстро исчезнуть, если она останется в отеле.

Она не сомневалась в том, что мачеха замыслила преступление. И отец, беспомощный и отчаявшийся, находится в ее полной власти. Как же Лиза может помочь ему и доказать всем, что Анабелла преступница?

* * *

Утром следующего дня она отправилась к замку. Затаившись на расстоянии ста метров от своего бывшего дома, она принялась внимательно следить за тем, что происходит на территории поместья. Показался большой черный фургон – доставили продукты. Затем из ворот выехал «Ягуар», принадлежавший некогда маме, и скрылся в неизвестном направлении. Этого момента Лиза и ждала – наверняка Анабелла покинула замок, и скорее всего, в компании «доктора Барни».

Лиза не стала приближаться к воротам, помня, что на них установлены телекамеры. Она обошла поместье и убедилась, что перелезть через высоченный забор, увенчанный чугунными пиками, ей не удастся – он окружал замок с трех сторон, а с четвертой естественным препятствием было море.

Решение созрело мгновенно: попробовав воду ногой, девушка разделась, оставшись в купальном костюме, сложила вещи в рюкзак и зашла в море – ей не оставалось ничего другого, как, обогнув небольшой мыс, подплыть к поместью. Выбравшись на сушу, продрогшая Лиза бросилась в кипарисовую рощицу, где и оделась.

Она была уверена, что ее вторжения никто не видел. Девушка осторожно подкралась к замку. Конечно же, она не отправится к центральному входу, где ее наверняка схватят преданные Анабелле слуги. Вместо этого она подошла к восточному крылу, увитому вечнозеленым плющом. В детстве она несколько раз спускалась и забиралась к себе в комнату по плющу, так почему не вспомнить былое?

Уже через минуту она заглянула в большое окно музыкального салона, внутри никого не было, виднелась мебель в чехлах и большой белый рояль. Окно было закрыто и не поддавалось. Спустившись вниз, Лиза отыскала средних размеров булыжник и снова забралась по плющу. Она осторожно стукнула по стеклу, но ничего не произошло. Девушка нанесла удар посильнее, и на стекле остались царапины. Только с третьего раза, зажмурившись и размахнувшись посильнее, она сумела разбить стекло.

Лиза на всякий случай притаилась. Хотя вряд ли тонкий звон мог привлечь внимание слуг, ведь замок очень большой, если они находятся в другом крыле, то попросту ничего не

услышали. Просунув руку в образовавшееся отверстие, девушка повернула рукоятку запора, и окно распахнулось. Секундой позже она приземлилась на пыльный пол музыкального салона.

Как же разительно все переменялось! Когда-то мама, любившая игру на фортепиано, проводила в музыкальном салоне по несколько часов в день. Иногда к ней присоединялся отец, и тогда они исполняли пьесы в четыре руки, а маленькая Лиза с восторгом внимала их игре.

Лиза подошла к двери, осторожно открыла ее (та предательски скрипнула) и выглянула в коридор. Он был пуст: неудивительно, ведь в замке не меньше пяти десятков комнат, и даже вездесущие слуги не могут знать, что происходит в отдаленных уголках.

Стараясь как можно тише ступать по паркету, девушка двинулась по направлению к лестнице. Она поднималась на третий этаж, когда услышала голоса. Лиза находилась посередине лестницы, и приближавшиеся слуги в любой момент могли обнаружить ее присутствие. В самую последнюю секунду она нырнула в нишу, в которой стояла мраморная статуя, и прижалась к ней. Лиза увидела двух молодчиков, появившихся на третьем этаже. Стоило им бросить взгляд на нишу, и они тотчас увидели бы незваную гостью. К счастью, слуги были увлечены разговором.

– Я все сделал как надо, – вещал один. – Анабелла будет довольна.

– И почему все так медленно? – возразил второй. – Дать бы ему большую дозу, и старик сразу бы окочурился!

Они скрылись в другом крыле замка, а помертвевшая Лиза поняла – они вели речь об отце! Неужели по приказанию Анабеллы его пичкают каким-то сильнодействующим лекарством или, возможно, ядом? Ему нельзя оставаться в замке ни минутой дольше!

Кое-как уняв волнение, Лиза покинула нишу и в три прыжка преодолела лестницу. Она бросилась к комнате, где находился отец, но, повернув ручку, убедилась, что дверь заперта. Постучав, девушка произнесла:

– Рара, это я, Лиза! Отзовись, пожалуйста!

Ей показалось, что она услышала тихий голос отца.

– Обещаю, что ты покинешь этот дьявольский замок еще сегодня! – сказала, чувствуя першение в горле, девушка. Ей было невыносимо жаль отца. Сейчас от нее требовалось одно – как можно быстрее выволить его из рук Анабеллы и ее сообщников.

Дверь была тяжелой и массивной, из мореного дуба, высадить такую девушке было явно не под силу.

– Они запирают тебя здесь, ведь так? – спросила Лиза. – И ключи наверняка у кого-то из слуг?

До нее донеслось тихое: «Да!»

Как Лиза ни боялась, но другого выхода не было – ей требовалось заполучить ключи от отцовской комнаты. Только как, даже освободив отца, она покинет замок? Ничего, что-нибудь придумает! Например, позвонит пожарным и сообщит, что замок Леона Кречета горит, – они придут на место происшествия через пять минут. И тогда отец обретет долгожданную свободу!

Лиза двинулась по коридору в том же направлении, куда отправились несколько минут назад слуги. Спускаясь по винтовой лестнице, расположенной в одной из башенок замка, она услышала голоса. Так и есть, она попала в логово неприятеля – на кухню.

Голоса через какое-то время стихли, хлопнула дверь – слуги удалились через другой выход. Глубоко вздохнув, Лиза быстро преодолела оставшиеся несколько ступенек и оказалась в пустом помещении. Ей требовались ключи! Она распахнула первый попавшийся ящик, но обнаружила там столовые приборы. В чулане находились колонны консервных банок. Зато в большом шкафу Лиза наткнулась на кое-что интересное – на металлическую коробку с серым порошком. На крышке находилась наклейка с изображением костей и черепа. Так вот чем они потчуют ее отца! Но где же ключи?

Она нашла их в навесном ящичке – там их было не меньше четырех десятков. Какой же именно от комнаты, где находится отец? Схватив их все, Лиза бросилась обратно к винтовой лестнице.

Ей не оставалось ничего другого, как вставлять каждый из ключей в замочную скважину. Девушка испробовала уже не меньше двух десятков, когда наконец один ключ точно вошел в прорезь и с тихим щелчком повернулся. Дверь раскрылась, девушка влетела в комнату.

Леон Кречет приветствовал дочь тихим стоном. Лиза поцеловала его в небритую щеку.

– Мы тотчас покинем это страшное место, папа, – взволнованно заговорила она. – Мы заявим на Анабеллу в полицию, и ты немедленно с ней разведешься!

Лиза увидела слезы, покотившиеся по щекам отца. Он хрипло забормотал:

– Твоя мать... Светлана... только ее я и любил... какой же я был идиот... как мне жаль...

Лиза вытолкнула инвалидное кресло, в котором сидел отец, из комнаты и увидела в конце коридора какого-то мужчину. Тот, заметив их, что-то закричал и, размахивая руками, бросился к ним. Толкая кресло с отцом впереди себя, Лиза побежала в противоположном направлении.

Телефон, где же телефон? Она обнаружила один из аппаратов на стене, около бывшей комнаты отца. Сняв трубку, быстро набрала номер пожарной команды. Топот приближался – преследователь был уже в нескольких метрах.

Заслышав голос дежурного, Лиза выпалила:

– Пожар в замке Леона Кречета! Приезжайте как можно скорее!

Мужчина оттолкнул ее от аппарата, девушка упала на пол и больно ударилась плечом. Схватив трубку, он произнес:

– Месье, ложная тревога! Да, да, вы правильно меня поняли, никакого возгорания в замке Леона Кречета нет. Точнее, оно было, но его уже потушили. Приезжать вам не требуется. Всего доброго!

– Не верьте ему! – закричала Лиза. – Приезжайте! Оповестите полицию! Они удерживают силой моего отца...

– Тебя никто не слышит, – самоуверенно произнес наглый тип, вешая трубку. – И никто, конечно же, не приедет. А вот ты, девчонка, проникла на территорию чужого поместья!

– Это замок моего отца, и я имею право... – начала возражать Лиза.

Но ее противник, подойдя ближе, со всего размаха ударил ее ногой в живот и, склонившись над ней, заявил:

– Это *был* замок твоего отца. Но старый придурок полгода назад подписал бумаги, согласно которым вся недвижимость передается в собственность моей сестре Анабелле.

– Ваша семейка... – кашляя, выдохнула Лиза. – Вы отравляете моего отца...

В коридоре появилось трое слуг. Один из них повез коляску с плачущим Леоном Кречетом обратно в его темницу. Остальные обступили Лизу.

– Что с ней делать? – произнес один из мужчин.

– Анабелла скоро вернется, она и решит, – пожал плечами другой. – А пока что обезвредим ее...

Вытащив из кармана кастет, он надел его на руку и наотмашь ударил Лизу по голове. Девушка потеряла сознание. Когда она пришла в себя, то увидела, что находится в кухне – сидит, привязанная к деревянному стулу. Голова невероятно болела, конечности затекли, во рту пересохло. Стоявший в углу крошечный телевизор был включен на всю мощность, так что кричать не имело смысла. Да и кто мог ее услышать, кроме слуг?

Отворилась тяжелая, окованная железом дверь, и на пороге появилась Анабелла, облаченная в черный брючный костюм (на отвороте пиджака сияла брошь с огромным квадратным рубином), в сопровождении «доктора Барни». Тот выключил телевизор, а мачеха подошла к Лизе.

– Не ожидала я от тебя такой прыти, детка, – заговорила она насмешливым тоном, однако девушка уловила в нем и нотки ярости.

– Меня ищет полиция, – сказала Лиза. – Учти, они вот-вот явятся в замок и арестуют тебя! Им все известно!

Анабелла ударила Лизу по щеке ладонью, затянутой красной перчаткой.

– Им ничего не известно, – подал голос сообщник Анабеллы. – Девчонка блефует, в полиции никто не поверил ее бредням.

– Нет, вы не знаете, что вами заинтересовался Интерпол, – возразила девушка. И увидела страх в глазах мачехи. – Они сказали, что вы, доктор Барни, им хорошо известны. На вашей совести и другие преступления!

Анабелла и «доктор» переглянулись, и Лиза поняла, что попала в точку.

– Я же говорила тебе, что девчонка опасна! – взвизгнула мачеха. – Она сдала нас Интерполу!

– Никому она нас не сдала, – заявил «доктор» и подошел к девушке. В руке у него сверкнуло лезвие ножа. Он поднес его к лицу Лизы: – А теперь говори правду, маленькая лгунья, или я выколю тебе твой прелестный глазик!

– Я говорила с агентами Интерпола, – упрямо повторила Лиза. Ложь была сейчас ее единственным спасением. – Они знают о том, что я в замке. И наверняка уже беспокоятся, почему меня все нет и нет!

Нож коснулся щеки и приблизился к левому глазу. Лиза зажмурилась, кончик лезвия коснулся века...

– Оставь девчонку в покое! – выкрикнула Анабелла. Лиза приоткрыла глаза – мачеха была на грани истерики. – Надо бежать! Но куда? Что же нам делать?

– Прежде всего – не терять головы, – грубо прикрикнул на нее «доктор Барни» и тряхнул любовницу за плечи. – И ты веришь речам девчонки? Она же пытается нас запугать!

Вынув из ящика кухонного стола упаковку лейкопластыря, сообщник мачехи заклеил Лизе рот.

– Это чтобы она не смущала тебя своими речами, – заявил он Анабелле. – И не реви! Я сейчас наведу справки, и тогда решим, как действовать. Если у нас на хвосте Интерпол...

– Не у нас, а у тебя! – крикнула Анабелла. – Я к твоим преступлениям не причастна!

– Ну, на твоей совести много и других грешков, – холодно улыбнулся «доктор» и вышел прочь.

Удалилась и Анабелла. Лиза осталась в одиночестве. Она попыталась освободиться, но не смогла – веревка опутывала ее тело. Тогда она попыталась придвинуться на стуле к столу, на котором лежал оставленный «доктором» нож. Каждый сантиметр давался ей с огромным трудом, девушка очень быстро выбилась из сил.

* * *

По винтовой лестнице в кухню спустились улыбающийся «доктор Барни» и Анабелла, переодевшаяся в розовый шелковый халат.

– Я же говорил тебе, что повода для волнения не существует, – продолжал он, успокаивая любовницу. – Девчонка лгала, когда утверждала, что обратилась в Интерпол.

Взгляд доктора переместился на Лизу, он взял со стола нож и приставил его к горлу девушки.

– Я смотрю, ты никогда не сдаешься, детка... Но я такой же. Я переговорил со своими осведомителями в полиции и Интерполе, и они заверили меня в один голос, что никто не занимается нашим делом.

Анабелла пребольно ударила ладонью Лизу по лбу и прошипела:

– Из-за тебя, паршивка, у меня чуть обморок не случился!

«Доктор Барни» сорвал со рта Лизы кусок лейкопластыря и добавил:

– А теперь у тебя не будет возможности обратиться ни в полицию, ни в Интерпол.

– Что вы делаете с моим отцом? – вскричала девушка. – Вам это не сойдет с рук! Как только мы окажемся в безопасности, он подаст на развод, Анабелла!

– Ты и твой отец никогда не окажетесь в безопасности! – усмехнулась та. – Ты слишком далеко зашла, детка. Ты пыталась помешать нашим планам, а это очень жестоко карается. Хочешь знать, что мы делаем с твоим отцом? Ну что ж...

Анабелла вытащила из холодильника маленькую кастрюлю и поставила ее на плиту. Открыла шкаф, извлекла металлическую коробку, зачерпнула десертной ложкой серого порошка и всыпала его в кастрюлю.

– Куриный бульон для моего любимого супруга, – пропела мачеха. – Я ведь выросла в нищете, детка, и мне всегда хотелось одного – стать очень богатой. Моя работа в качестве фотомодели много не приносила, но дала возможность знакомиться с состоятельными мужчинами. И я выбрала твоего отца! Влюбить старика в себя не составило особого труда, тем более что в постели я выделявала такое, о чем твоя фригидная мамаша и понятия не имела!

Тщательно размешав бульон, Анабелла сняла кастрюлю с плиты и осторожно перелила ее содержимое в большую фарфоровую чашку.

– Ты сама понимаешь, что твой отец был в состоянии дать мне лишь одно – деньги. Но мне требуется и еще кое-что! Для этих целей и появился мой милый Жорж... – Она указала на «доктора Барни», меланхолично чистившего ножом апельсин. – К своему несчастью, твой отец как-то застал нас в бассейне, причем в весьма недвусмысленной ситуации. Он заявил, что немедленно разведется со мной. Значит, я ничего не получу? И должна буду покинуть замок? Тогда Жорж и придумал гениальный план...

Анабелла нажала на кнопку звонка, и через несколько секунд на кухне появился один из ее братьев.

– Отнеси моему малышу, ему нужно подкрепиться, – сказала Анабелла, вручая тому поднос, на котором стояла чашка с дымящимся варевом.

– Что ты добавила туда? – крикнула Лиза.

Анабелла хитро улыбнулась.

– Поверь мне, это будет наилучшим для всех решением. Твой отец уже получил сполна от жизни, его талант иссяк, но мне хватит и тех картин, что он успел нарисовать. Через день после того, как Леон застукал нас в бассейне, он почувствовал себя очень плохо. Так плохо, что не смог позвонить адвокату и начать бракоразводный процесс. Так плохо, что пришлось вызывать врача. Им оказался...

– «Доктор Барни»! – воскликнула девушка. – Ты отравила моего отца, а в качестве специалиста подсунула ему своего сообщника и по совместительству любовника!

Мачеха торжествующе засмеялась.

– А ты вовсе не так глупа, как я предполагала, детка. Только внезапная тяжелая болезнь могла заставить твоего отца передумать. И такая болезнь настигла его. С каждым днем твой папаша все слабел и слабел и наконец не смог даже передвигаться на своих двоих. Милый доктор Барни, проведя ряд анализов, сообщил ему, что у него неоперабельный рак печени. И твой отец поверил!

– Вы внушили ему эту лживую мысль, – ужаснулась Лиза, – а на самом деле он здоров!

– Теперь уже нет, – подал реплику, отправляя в рот дольку апельсина, «доктор Барни». – Внезапная смерть богатого престарелого мужа вызвала бы подозрения, а вот если становится известно, что он смертельно болен... Тогда все сочувствуют молодой жене, которой вскоре предстоит сделаться очаровательной и, что самое важное, очень обеспеченной вдовой. Твой папаша, сделавшись немощным, забыл обо всех недоразумениях между собой и Анабеллой,

подарил ей замок и даже составил на прошлой неделе завещание, в котором единственной наследницей провозглашается его драгоценная супруга. Ты получаешь десять тысяч франков и картину, на которой изображена твоя голая мамаша, – тут нам не удалось переубедить упрямого старого осла.

Анабелла постучала длинными ногтями по металлической коробочке с серым порошком и продолжила рассказ:

– Мне пришлось собрать всю свою волю в кулак и изображать экстаз, когда я оказывалась с твоим отцом в постели. Хм, мнит себя Казановой, а сам давно импотент... Леон – старая мерзкая крыса! А от крыс надо избавляться при помощи яда!

– Таллий, – заметил «доктор Барни», – практически невозможно обнаружить в организме, если эксперты изначально не знают, что именно надо искать. Если давать его в небольших количествах, постепенно увеличивая дозу, то жертва начинает угасать, и никто не сможет сказать, в чем именно дело. Один, правда, у таллия недостаток – от него вылезают волосы, поэтому твой отец и облысел.

Лиза содрогнулась – двое мерзавцев в открытую, без стыда излагали ей свой ужасный, злодейский план.

– Финал близок, – проворковала Анабелла. – Думаю, еще неделя-другая, и весь мир узнает о том, что после долгой болезни скончался великий художник Леон Кречет.

– Я не допущу этого! – воскликнула Лиза. – Вы сами во всем признались, и когда я окажусь на свободе, то отправлюсь в полицию и...

«Доктор Барни» оглушительно расхохотался.

– Когда ты окажешься на свободе? Дурочка! Неужели ты думаешь, что мы открыли тебе свои замыслы, дабы потом отпустить на все четыре стороны? Ясное дело, что ты побежала бы в полицию или в Интерпол, и тогда нам была бы крышка.

– Всем известно, детка, что ты – крайне неуравновешенная личность, – с наигранным сожалением заявила Анабелла. – Смерть мамашы выбила тебя из колеи, и тебя пришлось отправить в интернат. А кончина папашы станет для тебя вселенской катастрофой. Неудивительно, что после такого потрясения ты решишь свести счеты с жизнью!

– Но я... – начала Лиза и осеклась.

«Доктор Барни» насмешливо смотрел на нее, играя ножом, Анабелла постукивала длинными ногтями по крышке коробочки с ядом.

– Ты хотела сказать, что твой отец еще жив? Ну, это можно быстро исправить, – сказала мачеха. – Да и тебя отправить на тот свет не очень сложно. Неужели думаешь, что мы позволим какой-то соплячке помешать осуществлению наших планов? Состояние твоего отца – больше ста миллионов, а еще в запасе имеются многие десятки картин, еще пока не проданных. О, мы будем купаться в деньгах!

«Доктор Барни» поцеловал Анабеллу, и Лиза поняла, что они ни за что не отпустят ее. Они убьют отца. И убьют ее.

– Пока что мы поместим тебя в подвал. Но тебе не придется долго сидеть там, детка, – добавила мачеха. – Думаю, грядущая среда или четверг – самое подходящее для меня время, чтобы сделаться вдовой.

Лизу заперли в крошечной темной камере, в одном углу которой находился рваный тюфяк, а в другом – горшок. Ее кормили утром и вечером два братца Анабеллы, и справиться с ними у Лизы не было ни малейшего шанса.

Девушка потеряла счет времени: она жила в постоянной темноте, и только появление тюремщиков позволяло ей понять: вот прошел день, еще один... Пролетело шесть дней, наступил четверг.

Дверь заскрипела. Лиза думала, что снова явились надсмотрщики с едой, но вместо них она узрела Анабеллу, облаченную в узкое черное платье, с жемчугами вокруг тонкой шейки. Ее сопровождал одетый, как всегда, элегантно «доктор Барни».

– Бедная моя детка... – поднеся к глазам крошечный черный платочек, произнесла мачеха и весьма натурально всхлипнула. Затем Анабелла расхохоталась. Засмеялся и ее любовник.

– Три часа назад умер мой горячо любимый муж, гений кубизма Леон Кречет, – заявила Анабелла. – Нам даже не требовалось травить его таллием: его организм был до такой степени ослаблен, что не смог справиться с банальной простудой.

– Уже выписано и свидетельство о смерти, конечно же, от естественных причин, – добавил «доктор Барни». – А в заявлении для прессы, которое твоя мачеха передала информационным агентствам десять минут назад, значится, что великий Леон Кречет скончался от рака печени.

Лиза бросилась на Анабеллу, но «доктор Барни» с легкостью скрутил девушке руки и, ударив головой об стену, швырнул на матрас.

– Понимаю твое возбуждение, детка, ведь настал и твой черед, – цинично заметила Анабелла.

– У вас ничего не выйдет, я не дамся! – заявила слабым голосом Лиза. – Никто не поверит, что я покончила жизнь самоубийством, найдутся свидетели, которые подтвердят, что я подозревала вас в попытке убить моего отца...

В камеру вошли трое братьев Анабеллы. У одного в руках была бутылка, у другого – веревка, у третьего – нож.

– Какие свидетели? – нагло спросила мачеха. – Ты снова пытаешься блефовать, но у тебя ничего не выйдет, детка. Или ты хочешь сказать, что поместила в сейфе конверт с надписью: «Вскрыть после моей смерти», в котором находится письмо для полиции? Когда найдут твое тело, я лично подтвержу, что последние недели ты провела в замке.

– Медики, которых я привела, чтобы обследовать отца, заявят, что ты выгнала меня и запретила приближаться к поместью...

Анабелла недобро рассмеялась.

– Ах, какие пустяки! «Доктор Барни», а также слуги подтвердят под присягой, что я, повинувшись зову своего доброго сердца, сама отправилась к тебе, мы помирились, и я пригласила тебя пожить в замке. В заявлении для прессы значится, что ты присутствовала при кончине Леона и сейчас находишься в депрессивном состоянии. Ну а потом... Потом будет приблизительно так: в то время как я была занята подготовкой похорон моего любимого мужа, ты попросту сбежала из замка, исчезла в неизвестном направлении. А в твоей комнате мы нашли записку, гласящую, что ты больше не хочешь жить и решила последовать за Леоном. Уверю тебя, полиция нам поверит! Никто и не заподозрит, что в действительности ты была убита!

«Доктор Барни», посмотрев на наручные часы, промолвил:

– Ну, достаточно слов, Анабелла. Нам предстоят горячие деньки.

– Да, приступайте! – Мачеха похлопала по плечу одного из братьев.

Те бросились на Лизу. Девушка сопротивлялась изо всех сил, но трое молодых здоровых мужчин легко с ней справились. Пока двое держали ее, третий, насильно разжав зубы ножом, вливал в рот коньяк. Когда бутылка была опорожнена на две трети, «доктор Барни» заявил:

– Достаточно!

В ушах у Лизы шумело, перед глазами плыли круги, тело не слушалось. Ее подхватили на руки и куда-то потащили. Спиртное на голодный желудок начало быстро оказывать свое действие, и Лиза потеряла сознание.

* * *

Неприметный черный автомобиль-катафалк, заранее приобретенный Анабеллой, покинул замок в половине четвертого утра через ворота, предназначенные для машин поставщиков. Помимо Лизы, в катафалке находились двое слуг и «доктор Барни». Анабелла, безутешная вдова, осталась в поместье, заявив, что от девчонки мужчины избавятся и без ее содействия.

Покинув пределы Бертрана, катафалк направился к Ницце. За несколько километров до города автомобиль, съехав на обочину, затормозил. Погасли фары.

«Доктор Барни» вышел из салона, двое братьев Анабеллы вытащили бесчувственную Лизу. Они спустились по пологому склону к небольшому дикому пляжу, присмотренному Анабеллой несколько дней назад в качестве идеального места для «самоубийства».

Дул легкий бриз, волны лизали берег. Галька хрустела под ногами убийц. Подойдя к воде, «доктор Барни» указал на большую скалу, походившую на хребет морского чудовища. Она выступала из моря метрах в двадцати от кромки пляжа.

– Давайте поживее, – приказал он.

Два брата Анабеллы нехотя сняли туфли и разделись, оставшись в черных водолазных костюмах.

– И почему грязная работа выпадает всегда нам? – проворчал один.

Другой добавил:

– И мокрая тоже.

«Доктор Барни» наблюдал за тем, как его сообщники, наполнив воздухом надувной матрас, уложили на него Лизу и, зайдя в море, поплыли к скале. Над пляжем нависал серпантин, по которому на большой скорости время от времени проносились автомобили. Их никто не мог увидеть, но все же требовалось соблюдать осторожность.

Доплыв до скалы, один из преступников вскарабкался на ее склизкую, покрытую мхом поверхность. Другой спихнул Лизу в море и некоторое время удерживал ее лицо под водой.

– Все, готова, – заявил один из убийц, стуча зубами. – Поплыли обратно!

– Захвати матрас! – велел второй, и они направились к берегу.

Тело Лизы покачивалось на волнах. На берегу их ждал «доктор Барни», нервно курия. Все же одно дело – травить беспомощного старика в замке, где все свои, и совсем другое – топить в море, недалеко от автострады, опасную свидетельницу.

– Ну что? – спросил он, когда братья Анабеллы вышли на берег. – Вы сделали все, как обговаривали? Держали лицо под водой две минуты и оставили тело в воде лицом вниз?

– Да сдохла она, – заявил один из братьев, подбирая туфли. – Если хочешь, сам можешь подплыть к ней и убедиться. Ну что, долго нам еще тут мерзнуть?

«Доктор Барни» бросил сигарету на гальку и растер ее ногой. Девчонка умерла, и больше ничто не мешает ему с Анабеллой завладеть огромным состоянием Леона Кречета. За свою жизнь ему пришлось совершить множество преступлений, но ни одно не принесло такого барыша.

Убийцы двинулись к катафалку, уселись в него и двадцать минут спустя были в замке. Их встретила кусающая губы Анабелла.

– Как все прошло? – спросила она. – Я не могла найти себе места от беспокойства!

«Доктор Барни» жадно поцеловал ее в губы и «успокоил»:

– Прошедшей ночью ты потеряла не только драгоценного супруга, но и любимую падчерицу. И как только ты справишься с подобным горем?

Анабелла расхохоталась:

– О, уверяю тебя, как-нибудь переживу! С утра начнется суматоха, понаедут журналисты и поклонники таланта Леона. И мы должны вести себя так, чтобы никто ничего не заподозрил. А пока что...

Не дав ей договорить, «доктор Барни» подхватил Анабеллу на руки и понес по лестнице в будуар.

* * *

Папаша Роллан считал себя самым несчастным человеком на свете. Еще бы, когда-то он был уважаемым и богатым, у него имелась семья – жена и трое детей – и собственная лавка. Он регулярно ходил в церковь, где сидел на первой скамье, соседи завидовали ему, а в банке лежали денежки, приносившие ему постоянный доход.

Все изменилось в тот момент, когда он отправился в Бертран, расположенный в сорока пяти километрах от их городка. Из него по ночам, при хорошей погоде, можно было разглядеть сияющие огни рая для богатых.

Папаша Роллан и был одним из таких, хотя старался не афишировать свое богатство. Однако душу грело то, что он считался самым богатым жителем городка. Он с презрением относился к неудачникам и побирушкам, никогда не подавал милостыни и прогонял всех, кто заглядывал к нему в лавку, желая получить бесплатную еду или мелкую монету.

В Бертрane требовалось переговорить с нотариусом по поводу продажи соседской фермы. Папаша Роллан, проявив в очередной раз крестьянскую смекалку, сумел сбить цену почти в два раза и в конце концов стал гордым обладателем заброшенного участка, который намеревался продать втридорога.

Удачная сделка и перспективы большого куша ударили ему в голову, и он отправился в ресторан, где подцепил молодую красотку, которая годилась ему даже не в дочери, а во внуки. Дома папашу Роллана ждала пресная пожилая супруга, с которой он не спал уже лет восемь, а то и все десять. А он был мужчина в самом соку – даром что пятьдесят девять лет стукнуло!

Он не смог устоять перед соблазном – таких красоток папаша Роллан видел разве что на страницах журналов, и они отправились к ней в номер. Там она предложила ему шампанское, за которым последовал белый порошок, по ее словам, творящий чудеса с потенцией. Девчонка не обманула – в ту ночь папаша Роллан был на высоте!

Весь последующий день он отсыпался и пришел в себя только под вечер. Вообще-то он давно планировал вернуться обратно в городок, однако он позвонил жене и сообщил ей, что при переговорах возникли неожиданные осложнения и ему придется задержаться в Бертрane еще на день.

Вечером он снова принял порошок, и юная красавица одарила его вниманием. Однако потом заявила, что ей скучно, и предложила отправиться в казино. Папаша Роллан никогда раньше не был в игорном доме, полагая, что делать ему там нечего: он зарабатывал все собственным горбом, не надеясь на ветреную Фортуна. Но не ударять же лицом в грязь перед красоткой, с которой он провел две ночи подряд! И они отправились в казино. Папаша Роллан поражался богатой обстановке (лепнина на потолке, мраморные колонны, гобелены, хрустальные люстры), ему льстило, что лакеи в старинных ливреях и напудренных париках, склоняясь едва ли не до земли, растворяли перед ним зеркальные двери, как будто он был не провинциальным торговцем, а королем или, по крайней мере, герцогом.

Юная красотка упростила спутника сделать ставку, и папаша Роллан, колебавшись, вытащил из кармана набитое ассигнациями портмоне. Отдав самую мелкую, он приобрел четыре зеленые фишки.

Три первые проиграли, и папаша Роллан скис, думая о том, что, во-первых, зря денежки пропали и что, во-вторых, назавтра он покинет блестящий мир Бертрана и вернется в свой

городок, где возобновится размеренная и чинная жизнь. Недрогнувшей рукой он сделал последнюю ставку и не поверил, когда крупье объявил, что он выиграл. Папаш Роллан был ошарашен, когда стал обладателем довольно-таки большой груды фишек, пододвинутых к нему крупье.

– Милый, – прошептала красотка, беря спутника под руку, – мы ведь не собираемся уходить отсюда?

Голос разума и природная жадность твердили папаше Роллану, что надо уносить ноги, тем более что он полностью компенсировал траты последних дней. Внезапно за соседним столом раздался сдавленный крик, и, повернувшись, папаша Роллан увидел лысого господина во фраке, ставшего обладателем целой горы из разноцветных фишек. Мелькнула мысль: если повезло какому-то лентяю и сибариту, то почему он, честный работающий малый, не может рискнуть? Ведь денег у него предостаточно! Нет, он не станет разочаровывать свою молодую спутницу, пожертвует несколькими фишками из выигрыша.

И папаша Роллан сделал новую ставку, получив в награду поцелуй в щечку.

Казино они покинули последними – оно работало двадцать два часа в сутки, закрываясь только на быструю уборку. Папаша Роллан проиграл не только все фишки, но спустил и всю наличность, а также золотое обручальное кольцо, которое он не снимал почти сорок лет. Но, удивительное дело, чувствовал он себя великолепно.

Он снова позвонил жене и сообщил, что дела заставляют его задержаться еще на день – переговоры о продаже фермы затянулись, но вот-вот благополучно завершатся. Не зная, что такое вселилось в него, папаша Роллан отправился напрямик в банк, где опустошил один из своих счетов. Затем он приобрел своей новой подружке роскошное манто из сибирских соболей, кулон с бриллиантом в семь каратов и кучу платьев. Из ее апартаментов они переехали в самый дорогой номер самого роскошного отеля. Папаша Роллан твердил себе, что ему обязательно повезет и он вернет все, что растратил, и даже выиграет гораздо больше.

В казино его встретили, как завсегдатая, с великим почтением и подобострастием. Ему долго жал руку сам директор, презентовавший пятилитровую бутылку коллекционного шампанского. Папаша Роллан окончательно потерял голову.

Около трех часов ночи он сорвал куш, выиграв больше ста тысяч, а в половине пятого был вынужден покинуть казино без сантима в кармане. Он не мог поверить, что проиграл, и поклялся себе, что в следующий раз, когда заработает сто тысяч, тотчас покинет казино и отправится обратно в свой городок. Но ни на следующий день, ни через два, ни через неделю отыграться он не смог. Папаша Роллан получал всего несколько фишек, которые никак не могли компенсировать его растрат, а он все надеялся и надеялся...

Он разорил три своих банковских счета, продал тому же самому нотариусу, у которого купил ферму, ее же за полцены, а под конец заложил свой дом и лавку. Папаша Роллан был сам не свой, то ли от игорного безумия, охватившего его, то ли от близости молодой любовницы, то ли от спиртного вкупе с наркотиками, которыми она его потчевала, то ли, вероятно, от всего вместе.

Когда он проигрался в пух и прах и потребовал от подружки отдать подарки, чтобы он мог заложить их и сделать ставки, она отхлестала его по щекам и заявила, что он ей больше не нужен. И гордо удалилась под руку со статным седым господином, владельцем никелевых рудников в Южной Америке.

Часом позже папашу Роллана выставили вон из казино: те, кто всего пару часов назад склонялся перед ним до земли и лстиво улыбался, заявили, что ему пора баиньки и они не позволят ему устраивать в казино дебош и приставать к гостям. Папаша Роллан в ответ начал буяннить и даже заехал по лицу подоспевшему директору казино, сбив с него очки. Разбушевавшегося провинциала сдали на руки полиции, где заперли в камере.

Там его и обнаружили заливающаяся слезами супруга и дети, которые сначала ждали его дома, а потом решили отправиться на поиски пропавшего отца, предчувствуя самое ужасное – на него напали грабители, его хватил инфаркт, он стал жертвой мошенников. Папаша Роллан действительно стал жертвой – собственного угара и внезапно пробудившейся страсти к рулетке. Судья приговорил его к штрафу и возмещению убытков казино (папаша Роллан расколотил несколько ценных ваз и люстру), а также к двум неделям тюремного заключения за нанесение телесных повреждений директору казино.

Родственники, пораженные переменой характера папаши Роллана, напрасно надеялись, что в тюрьме он образумится и придет в себя. Он же только озлобился. И более того – связался с фальшивомонетчиками, которые обещали открыть доступ к легким деньгам.

Когда папаша Роллан вернулся в родной городок, все изменилось: соседи открыто шептались, показывая на него пальцами, кюре в церкви гневно обличал грехи, красноречиво посматривая в его сторону, а жена подала на развод. Она узнала, что он не только растратил все накопления и заложил дом с лавкой, но и превесело провел время с любовницей. Дети отвернулись от него, жена покинула родные пенаты, отправившись к сестре на север Франции, а бывший самый богатый горожанин превратился в неплатежеспособного должника.

Папаша Роллан только все усугубил, снова отправившись в Бертран и попытавшись расплатиться в другом казино при помощи поддельного чека, который изготовили его приятели-мошенники. На сей раз суд не проявил снисхождения, и горе-игрок отправился за решетку на четыре года.

Освободившись, он первым делом кинулся в казино, но во всех игорных домах его хорошо помнили, и вышибалы не пускали даже на порог. Папаша Роллан был в долгах как в шелках. Он быстро опустился, пристрастившись к спиртному, и превратился в бездомного, ночуя под мостом, на свалке или на берегу моря. Всматриваясь в ночное небо, он вспоминал свои походы в казино и надеялся, что однажды ему повезет – и он снова переступит порог этого сказочного заведения.

Так и тем утром папаша Роллан, как повелось в последнее время, брел по берегу, пытаясь отыскать что-нибудь ценное. Летом, когда полосы у моря заполняли туристы со всех уголков Европы, он находил потерянные кошельки, кольца и сережки. В холодное время года ему приходилось довольствоваться тем, что выносило море, – бутылками, которые можно было сдать, устрицами, которые можно было съесть, и трупами, которые можно было обобрать.

Он заметил тело издалека – зрение у папаши Роллана было отменное. Припадая на правую ногу (неделю назад он попал в передрягу, которая едва не стоила ему жизни), он подбежал к телу, лежавшему у кромки моря. Сизые волны тихо шелестели, кричали наглые чайки, рассветало.

Утопленники попадались нечасто, в основном это были самоубийцы, перепившие туристы, иногда – девицы легкого поведения. Человек лежал на животе, папаша Роллан перевернул его и увидел, что это молодая женщина. Наверняка одна из «ночных бабочек», подобных той, что когда-то завлекла его в казино!

Папаша Роллан принялся ощупывать труп. Хм, о, пожить-то у дурехи нечем... Надо поскорее ноги уносить, а то вдруг нагрянет полиция! Застукают его рядом с трупом, тогда хлопот не оберешься – полиции папаша Роллан был хорошо известен, и служители порядка с ним не церемонились.

Внезапно послышался тихий стон, и папаша Роллан в ужасе отскочил. Вот тебе и труп! Девица-то жива! Папаша Роллан осторожно приблизился, ткнул ее в бок носком дырявого сапога и спросил:

– Эй, чего с тобой?

Девица не отвечала. Папаша Роллан трусцой бросился прочь и, поднявшись к шоссе, задумался. Вытащил из кармана кашемирового пальто (он снял его с одного из утопленников

год назад) бутылку дешевого красного вина, приложил горлышко к губам и сделал весомый глоток.

Она жива. А ему-то какое дело? Все равно она умрет, у нее нет шансов выкарабкаться. Да и что ему до нее? Он ко всему этому отношения не имеет! Только неприятностей с полицией не оберешься.

И все же папашу Роллана тянуло обратно, к полуживой девице. Тварь божья как-никак... Он вернулся на пляж и, склонившись над ее лицом, попытался уловить дыхание. Нет, уже не дышит.

Но вдруг пальцы левой руки утопленницы судорожно дернулись. Папаша Роллан оттащил ее подальше от воды, убрал с волос водоросли и сказал:

– Сейчас подмогу позову! Ты только это, не умирай... Я быстро!

И побежал в сторону городка.

* * *

– Доктор! – ворвалась в крошечный кабинет дежурного врача пожилая медсестра. – Наша Русалочка только что пришла в себя! Она открыла глаза и спросила, как меня зовут!

Доктор быстро поднялся с кушетки, отложив недочитанный детектив, и отправился за сестрой. Было половина первого ночи, и дежурство пока что протекало без эксцессов. Они вошли в палату, где на кровати, застеленной желтоватым бельем, лежала рыжеволосая девушка.

Ее доставили в больницу около четырех месяцев назад – какой-то клошар обнаружил несчастную на берегу, ее выбросило волнами на пляж. Несмотря на то что она нахлебалась и провела значительное время в холодной воде, девушка была жива. Однако сознание покинуло ее. При ней не было документов, никто не знал, как ее зовут и как она оказалась в воде.

До сих пор доктор видел пациентку с постоянно закрытыми глазами, теперь же веки были распахнуты, и он с удивлением отметил, что у нее удивительные зеленые глаза с золотыми искорками. Девушка прошептала:

– Где я?

Врач потрепал ее по тонкой белой руке и пояснил:

– Вы находитесь в одной из больниц Ниццы. С вами произошел... гм... несчастный случай, однако сейчас все в порядке.

Девушка посмотрела на доктора и задала новый вопрос:

– Кто я?

Она не помнила ни своего имени, ни обстоятельств, при которых оказалась в воде. В ее крови обнаружили изрядное количество алкоголя, а одежда была не новой, но дорогой. Пациентка ничего не помнила из прежней жизни, только, когда ее спросили о родителях, почему-то уверенно заявила, что они умерли.

Силы возвращались к ней с каждым днем. Работники больницы называли ее Русалочкой в память о героине сказки Андерсена, тоже пришедшей в мир людей из пучины морской. Побывали у нее и представители полиции, однако и они не преуспели в установлении личности несчастной девушки.

Все свидетельствовало о том, что в прежней жизни она ни в чем не нуждалась – одежда от известных модельеров, ухоженная кожа и зубы, руки без мозолей. Вначале предположили, что, отдыхая на чьей-либо яхте, она перебрала с выпивкой и упала за борт, но затем версию отвергли: на запястьях Русалочки обнаружились странные потертости, которые врачи классифицировали как следы от веревки. Такая деталь наводила на мысль, что она стала жертвой преступников.

Как ни расспрашивали Русалочку, она не могла дать ответ. Она проводила все время за рисованием – на страницах блокнота возникали странные силуэты, чьи пропорции не соответствовали человеческой анатомии. Кто-то ляпнул, что девушка – инопланетянка, и эта версия утвердилась среди прочих больных, которые приходили к ее палате, чтобы хотя бы одним глазком взглянуть на Русалочку.

Наконец полиция заинтересовалась версией, что Русалочка является жертвой преступления, и попыталась, с учетом даты обнаружения «утопленницы» папашей Ролланом, идентифицировать ее, сверяя ее данные с данными молодых женщин в возрасте от восемнадцати до двадцати двух, кои исчезли в то время в радиусе ста километров.

Миновало еще два месяца, и жарким летним днем, после очередного сеанса физиотерапии (Русалочка училась заново ходить – прямо как и ее тезка из знаменитой сказки, испытывавшая неимоверную боль при каждом шаге), в больнице появился почтенный полицейский. Он обратился к дежурному врачу:

– Доктор, у нас появился новый след. Вы же знаете Леона Кречета?

– Лично знаком не был, – улыбнулся медик, – но кто же не слышал о величайшем художнике, тем более что его замок располагается на побережье.

– Вот именно, – сняв фуражку и потирая лысину, ответил полицейский, – на границе Бертрана и Франции. Месье Кречет скончался от рака полгода назад, и в ночь его смерти исчезла его единственная дочь Лиза. Девчонке было восемнадцать, она была психически неуравновешенна, оставила в своей комнате записку, в которой сообщала, что не может жить после столь трагического события, каковым стала для нее смерть отца. Ее мачеха была на грани истерики – еще бы, в течение всего нескольких часов потерять любимого мужа и любимую падчерицу! Девчонка, воспользовавшись суматохой, попросту удрала из замка, никто ведь не мог предположить, что она выкинет подобное. Ее искали, но безрезультатно. И только сейчас, сопоставив данные, мы пришли к выводу, что ваша Русалочка по описанию похожа на Лизу Кречет. Мой шеф говорил с мадам Анабеллой Кречет, которая тотчас согласилась прибыть в Ниццу.

Визит вдовы всемирно известного художника был для больницы небывалой честью. Ее встретил сам главный врач – он галантно поцеловал руку обворожительной красавице в белом платье и огромной красной шляпе. Ее сопровождал «адвокат мэтр Барни».

– Как только вы сообщили нам об этой несчастной девушке, Русалочке, мое сердце забилося в ожидании чуда! – произнесла мадам Кречет и промокнула глаза платочком. На ее руке хищно полыхнул большой рубин. – Я так обожала малышку Лизу, мы были с ней настоящими подругами, делились всеми секретами!

Доктор отметил, что по возрасту мадам Кречет (вторая супруга покойного художника) всего на несколько лет старше его дочери.

– Смерть Леона стала для нее настоящим потрясением! – продолжала Анабелла. – Мой бедный супруг скончался от рака печени, мне пришлось пережить много ужасных моментов...

Вдова всхлипнула, «мэтр Барни» взял ее под локоть, главный врач тактично отвел взгляд и помолчал.

– Значит, вы говорите, что эта девица... Русалочка... лишилась памяти? – спросил «мэтр».

– Ретроградная амнезия, – пояснил врач. – Механизм ее возникновения медицине до сих пор неясен. Наверное, на девушку повлиял сильный стресс, а также то, что пациентка находилась на грани жизни и смерти и затем больше четырех месяцев в коме.

Мадам Кречет и ее «адвокат» быстро переглянулись, и вдова попросила:

– Ну что же, проводите нас к Русалочке. Хочется верить в чудо, но... Увы, увы, вряд ли мы узрим мою драгоценную падчерицу Лизу!

Главный врач был пленен шармом мадам Кречет. Он подумал, что если Русалочка окажется ее падчерицей, то мадам наверняка отблагодарит больницу (и его лично!) за то, что они спасли девушке жизнь.

Мадам Кречет и «мэтр Барни» прошествовали к палате, в которой лежала Русалочка. Главный врач отметил, как дернулась мадам, когда увидела девушку. Да и адвокат побледнел.

* * *

Русалочка, увлеченно что-то рисовавшая, подняла взгляд и с милой улыбкой произнесла:

– Добрый день!

– Я привел к тебе гостей, – заговорил с ней главный врач больницы и указал на Анабеллу и ее спутника. Русалочка внимательно посмотрела на них и, склонив голову набок, произнесла:

– Мадам, мы знакомы?

Анабелла буквально вытащила главного врача в коридор, закрыла дверь в палату и спросила:

– Так что вы говорили о ее болезни?

– Вы имеете в виду ретроградную амнезию? – уточнил главный врач. – Это не что иное, как временное нарушение памяти.

– Временное? – протянул «мэтр Брани». – Значит, рано или поздно девчонка... я хотел сказать Русалочка... все вспомнит?

– Вероятнее всего, да, – кивнул главный врач. – Весь вопрос в том, когда это случится. Обычно воспоминания возвращаются в течение нескольких недель, но минуло уже два месяца с той поры, как Русалочка вышла из комы, однако изменений не произошло. Видимо, требуется толчок, который высвободит ее воспоминания. Правда, зарегистрированы случаи, когда подобным пациентам требовалось очень долгое время, месяцы и даже годы, чтобы вновь обрести память о своем прошлом. Причем нередко – обрывочную, частичную. А в редких случаях воспоминания не возвращаются вовсе.

«Мэтр Барни» вытащил платиновый портсигар, однако, вспомнив, что находится в больнице, засунул его обратно в карман пиджака и поинтересовался:

– Значит, вероятность того, что к вашей пациентке вернется память, довольно высока? Только вы не знаете, когда именно это случится? И с каждым днем вероятность увеличивается?

Главный врач согласился с рассуждениями мэтра. Мадам Кречет, ломая руки, заговорила:

– Я хочу сделать заявление! Так называемая Русалочка в действительности...

«Адвокат» прервал ее и сам закончил фразу:

– В действительности не является Лизой Кречет. Ваша пациентка в самом деле чем-то похожа на падчерицу моей... клиентки, но не более того. Лиза, в этом не приходится, увы, сомневаться, покончила с собой.

Извинившись, Анабелла оттащила «мэтра Брани» в сторону и зашептала ему:

– Ты в своем уме? Он же сказал, что девчонка придет в себя и все вспомнит! Мы не можем оставить ее здесь!

– Потому я и сказал, что это не Лиза, – тоже тихо пояснил «мэтр Барни». – Представляешь, какой поднимется шум в прессе, если станет известно, что несостоявшаяся и обеспамятевшая утопленница – твоя падчерица?

– Она все знает! – в страхе сказала Анабелла. – И когда вспомнит, то первым делом побежит в полицию. Ее нужно срочно убрать!

«Мэтр Барни», сжав локоть Анабеллы, прошипел ей в лицо:

– Убить девчонку будет невероятно сложно, если ты признаешь ее Лизой. Это возбудит подозрения.

– Но как тогда... – начала Анабелла, однако «мэтр Барни» потянул ее к главному врачу.

– Месяе, – произнес он, – мадам так взволнована судьбой крошки Русалочки, что желает знать: может ли она оказать ей помощь? Ведь малышка так одинока, у нее никого нет, да и

вашей больницы она наверняка лишняя обуза. Мадам с радостью возьмет на себя расходы по содержанию Русалочки и поместит ее в одну из лучших лечебниц.

Главный врач не имел решительно ничего против. «Мэтр Барни» выразил ему свою горячую благодарность и намекнул, что мадам непременно пригласит его на один из своих приемов, где будет присутствовать премьер-министр республики и младшая сестра английской королевы.

– Что ты задумал, Жорж? – спросила нервно Анабелла, когда они уселись в «Феррари», подарок вдовы своему «адвокату». – Ведь девчонка крайне опасна!

– Ты права, крайне опасна, – подтвердил «мэтр Барни», нажимая педаль газа. – Поэтому мы должны держать ее под присмотром. Я знаю одну частную клинику, куда можно поместить нашу Русалочку. Даже если она вдруг обретет там память, то оттуда ей не выбраться.

– Но она будет постоянной для нас угрозой, – заявила Анабелла. – Господи, ты не смог даже убить девчонку!

– При чем тут я? Это твои братья виноваты, – ответил в раздражении Жорж. Они летели по автостраде по направлению к Бертрану. – С них и спрашивай, почему лоботрясы не смогли как следует утопить ее. Я всего лишь руководил операцией. А угрозой она для нас не станет, успокойся. Знаешь почему? Потому что Русалочка через некоторое время умрет. Кончина твоей падчерицы вызвала бы массу вопросов. Но кому какое дело до смерти безымянной девицы?

– Так вот что ты задумал... – рассмеялась Анабелла. – Тогда давай уьем ее прямо сейчас, чего тянуть.

– Не торопись, – холодно возразил Жорж. – Тебя и так окружает много смертей. Я же сказал, что из клиники, где окажется Русалочка, она никогда не сбежит. И покинет ее только ногами вперед. Но пока придется набраться терпения.

* * *

Увидев красавицу в белом платье, в большой красной шляпе и солнцезащитных очках, Лиза на секунду задумалась. Ей вдруг показалось, что она ее знает. Да и холеный молодой мужчина возле дамы мучительно напомнил кого-то.

Искорка воспоминания вспыхнула и погасла, как спичка в темной комнате. Нет, ей только показалось. Она – Русалочка, выброшенная волнами на берег моря и найденная клошаром. У нее нет ни прошлого, ни будущего. Никто не знает, откуда она взялась и что с ней случилось. Или, может, правы пациенты больницы, которые считают ее марсианкой?

Лиза не знала, где и когда она научилась рисовать, почему ее тянет изобразить молодую нагую женщину с распущенными волосами. Как будто она уже когда-то видела подобную картину...

Через день после визита красавицы к Лизе заглянул главный врач и, потирая руки, с улыбкой произнес:

– Дорогая моя, вам сказочно повезло!

– Вы узнали, кто я? – встрепенулась девушка.

– К сожалению, нет, – вздохнул главный врач. – Мадам Кречет, которая посещала вас, была так добра, что решила взять вас под свою опеку. Наша больница не может предоставить вам требуемую терапию в полном объеме, а вот мадам Кречет оплатит ваше пребывание в частной клинике, где вами займутся подлинные специалисты.

– Мадам Кречет – поразительная женщина, – произнесла Лиза и нахмурилась. Мадам Кречет... Кречет... Внезапно молнией в ее мозгу вспыхнуло имя «Анабелла». И вслух пробормотала: – Анабелла...

– Да, да, Анабелла Кречет, вдова того самого Кречета. Ах, ну да, вы же ничего не помните... Вы правы, она удивительная женщина! Мне только что звонил ее «адвокат «мэтр Барни», документы будут готовы к вечеру. А завтра утром они вас заберут. Разве вы не рады, милая?

– Я очень рада, – пробормотала Лиза, водя карандашом по листу блокнота.

Память сыграла с ней злую шутку – она не знает ни как ее зовут, ни сколько ей лет. А вот имя Анабелла... Почему-то оно кажется до боли знакомым. Когда она его произносит, то на душе становится мрачно. Анабелла...

Взглянув на лист, девушка увидела, что исчеркала его одним и тем же словом: «Анабелла». Ее поместят в специализированную клинику, и там память вернется к ней. Обязательно вернется!

Она проснулась посреди ночи с гулко бьющимся сердцем. Во рту пересохло, в горле першило, по щекам текли слезы. Анабелла! За мгновение до пробуждения это имя огненными буквами возникло у нее в мозгу и тотчас сменилось картинкой: сад, заполненный благоухающими растениями, стеклянная стена, сквозь которую она видит пожилого длинноволосого человека, занимающегося сексом с рыжеволосой голой красоткой, что лежит на деревянном столе. И имя этой красотки – Анабелла!

Боль... Девушка потеряла свою лодыжку и только потом поняла, что и боль была во сне. Ну конечно, она бросилась бежать, упала со ступенек и подвернула ногу. И виновата во всем была Анабелла!

Утром за ней приехал «мэтр Брани» в сопровождении двух дюжих молодцов, которые, судя по всему, были родными братьями. Они уставились на Лизу, и девушке стало неприятно.

– Черт, ну и дали мы маху, – пробормотал один. – Это ты виноват.

– Ты! – ответил другой. – Я на камне стоял, а ты плавал.

Приказав им замолчать, «мэтр Барни» подошел к кровати, уселся на край и, взяв в руки ладонь девушки, ласково спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

– Я видела сон, – ответила Лиза. – Там была Анабелла. Вместе с... с... с Леоном!

Она ощутила, как «адвокат» сжал ее ладонь.

– Выбрось это из головы, детка, – облизнув пересохшие губы, произнес он. – Обещаю тебе, ты все вспомнишь. И сама удивишься тому, как много ты забыла. Но сейчас нам пора – нас ждут в клинике профессора Геллендорфа.

Лиза внезапно испытала страх. Может ли она доверять этому человеку? Но он вроде хочет ей помочь. Еще бы, он – адвокат вдовы знаменитого художника, которая решила потратить собственные деньги, чтобы поместить ее в клинику. И там врачи сделают все, чтобы к ней вернулась память.

Вещей у нее было немного, и через полчаса Лиза в сопровождении «мэтра Барни» покинула больницу. Их ждал темно-синий «Ягуар». Девушка вздрогнула, увидев автомобиль.

– У моей мамы был такой же, – произнесла она. – Да, да, я вспоминаю...

– Что ты вспоминаешь? – спросил обеспокоенно «адвокат». Он буквально затянул девушку в салон. Она почувствовала страх в его голосе.

Как ни старалась, ничего больше Лиза вспомнить не смогла. «Мэтр Барни» заявил:

– Не ломай себе зря голову. Медики сказали, что ты не должна пытаться вспоминать о том, кем ты была раньше, это только повредит. Так что успокойся!

Клиника профессора Геллендорфа располагалась за городом, недалеко от моря. Когда подъехали к ней, Лиза обратила внимание на высоченный металлический забор. «Ягуар» миновал раскрывшиеся ворота, и стало видно трехэтажное здание в конструктивистском стиле двадцатых годов – большое, белое, бетонное. Все окна были забраны решетками.

Едва автомобиль остановился около крыльца, массивная входная дверь открылась, и появились двое высоких, крепких санитаров, сопровождаемых низеньким человеком в роговых очках и белом халате. Он радостно приветствовал «мэтра Барни» и бросил внимательный и цепкий взгляд на Лизу.

– Так это и есть наша новая гостья? – произнес он. – Очень рад вашему приезду, дорогая моя!

Несмотря на радушный тон и широкую улыбку, Лиза ощутила беспокойство. Один из санитаров подхватил небольшой чемодан, в котором находился больничный скарб, а другой взял ее за локоть.

– Проводите нашу гостью в ее комнату, – произнес врач. – Я уверен, что она вам понравится, моя дорогая!

Когда санитары с Лизой скрылись, улыбка сползла с лица врача, и он деловым тоном проговорил:

– Профессор ждет вас! Вы привезли первый взнос?

«Мэтр Барни» вытащил из кармана сложенную вдвое лиловую бумажку – чек – и помахал ею перед лицом врача.

– Об этом не беспокойтесь. Ну так где ваш шеф?

Они прошли внутрь здания – белые стены украшали картины с абстрактными рисунками. «Мэтр Барни» обеспокоенно произнес:

– У вас здесь нет мазни Леона Кречета?

– О, что вы, месье, – удивленно произнес врач, – это всего лишь репродукции, пускай и не из дешевых. На шедевры Леона Кречета у нашего заведения попросту нет денег!

«Мэтр Барни» удовлетворенно кивнул головой. Врач осторожно поинтересовался:

– А что, разве это так важно?

Адвокат ничего не ответил. Они шли по коридору, миновали раздвижную решетку, поднялись на лифте на третий этаж и подошли к приемной профессора Геллендорфа. Расторопная медсестра средних лет, выполнявшая функции секретарши, доложила шефу о том, что прибыл «мэтр Барни».

– Профессор примет вас, – сказала она, положив трубку телефона, – однако придется подождать несколько минут.

«Мэтр Барни» опустился в кожаное кресло вишневого цвета, затем подскочил и подошел к окну, выходившему на море. Здание стояло на высоком утесе, под которым пенилось море, и любой, кто умудрился бы выбраться из окна, непременно упал бы в ревущие волны.

– О безопасности можете не беспокоиться, – раздался громкий голос, и «мэтр Барни» развернулся. В дверях кабинета стоял высокий мужчина с тщательно уложенными седыми волосами и привлекательным загорелым лицом. Профессору Геллендорфу было чуть за сорок, его умные серые глаза настороженно смотрели из-за стекол очков в золотой оправе. Он, как и все работники клиник, был в белом халате, надетом поверх добротного темно-синего костюма. – Прошу вас, мэтр, – профессор пропустил гостя в свой кабинет. «Адвокат» увидел большой стол, на котором царил безукоризненный порядок, огромный шкаф-картотеку, бар. Профессор указал на мягкое кресло и произнес: – Чувствуйте себя как дома!

Дверь кабинета закрылась, и тон его хозяина несколько изменился.

– Жорж, давно я тебя не видел. Это правда, что ты сейчас с вдовой Леона Кречета? Молодой, красивой и очень богатой вдовой?

Гость, усевшись в кресло, вытащил из внутреннего кармана пиджака портсигар, выудил сигарету, чиркнул зажигалкой и с наслаждением затянулся.

– Ты же знаешь, что я не выношу табачного дыма, – произнес ровным голосом профессор. Он щелкнул клавишей на столе, и еле слышно заработал кондиционер.

– Классное у тебя заведение, – не обращая внимания на реплику профессора, заявил Жорж. – Построил на деньги, которые мы выручили от продажи кокса?

Профессор вздрогнул и прошипел:

– Нечего вспоминать давние истории, Жорж! И не думай, что сумеешь взять меня на понт. Ты и сам по уши погряз в дерьме!

– Профессор, что за выражения? – усмехнулся «мэтр Барни». – Они вам явно не к лицу! Сколько же времени прошло с тех пор, как мы вместе работали? Шесть лет? Нет, целых семь. У тебя имелась подпольная лаборатория по производству наркотиков, я же помогал сбывать товар. Мы отлично сотрудничали, так ведь?

Профессор, сцепляя и расцепляя руки за спиной, прошелся по кабинету.

– Излишне говорить, что эти... противозаконные деяния остались в прошлом, – произнес он. – Тогда мне требовались деньги для завершения исследований – без них я бы никогда не получил звание профессора. И не смог бы основать собственную клинику.

Прищурившись, Жорж наблюдал за своим старым приятелем.

– Не оправдывайся, профессор, – заявил он с ухмылкой. – У тебя голова на плечах, ты вхож в лучшие круги, тебе доверяют. И ты всегда умел управляться с деньгами. Поэтому неудивительно, что за прошедшие семь лет тебе удалось основать собственную клинику для душевнобольных, и...

Геллендорф перебил его:

– Но ты навел меня вовсе не для того, чтобы говорить о делах давно минувших дней, Жорж. Твоя проблема – Русалочка!

Жорж скривился.

– С чего ты взял, что это проблема? Так, всего лишь проблемка. И ты поможешь мне решить ее. За тобой ведь должок, профессор. Помнишь, когда полиция накрыла твою подпольную лабораторию, кто взял на себя всю вину и отправился в тюрьму на три с лишним года? Правильно, я! Ведь окажись твое имя замешанным в скандал, твоя карьера была бы закончена еще до того, как началась. Профессор, производящий наркотики и торгующий ими! Как можно!

Медик тяжело опустился в кресло.

– Я так и знал, что ты когда-нибудь заявишься ко мне, Жорж, и потребуешь свою долю. Но денег у меня нет – все вложено в клинику. Ты знаешь, сколько уходит на нее средств? У меня практически нет свободной наличности!

«Мэтр Барни» недобро рассмеялся:

– Только не рассказывай мне жалостливые истории, профессор! Я знаю, ты всегда был на них мастак. У тебя же лечатся богатые психи!

– Не психи, а пациенты, испытывающие временные проблемы с жизненной ориентацией, – поправил его Геллендорф.

– Вот, вот, ты открыл сумасшедший дом для денежных мешков, – вставил Жорж.

– Это не сумасшедший дом! Мое заведение – одно из самых лучших. Нет, я посмею даже утверждать, что самое лучшее в области нервных заболеваний!

– А также у тебя прячутся спившиеся голливудские звезды и подсевшие на иглу европейские интеллектуалы, – хохотнул Жорж. – Ты дерешь с них втридорога, однако и результаты твоего лечения великолепные. Ты ставишь на ноги всех этих известных и богатых, которые воображают себя жутко несчастными из-за слишком большого количества миллионов на банковских счетах.

Геллендорф склонил голову к плечу и вздохнул.

– Можно и так сказать, Жорж. Да, я помогаю попавшим в беду людям и не вижу в этом ничего зазорного.

– Ты – добрый ангел всех психов и наркоманов из высшего общества, – снова хохотнул «мэтр Барни». – Только попасть к тебе может тот, кто в состоянии оплатить жутко дорогие услуги.

– Для меня нет безнадежных пациентов, – с гордостью заявил профессор, – и мои клиенты знают и ценят это. Так вернемся к твоей Русалочке. Я ознакомился с историей ее болезни. Ты хочешь, чтобы молодая дама как можно быстрее обрела память?

Жорж, затушив сигарету двумя пальцами, швырнул ее на персидский ковер, подошел к столу, оперся на него двумя руками и, склонившись над профессором, четко произнес:

– Ты же знаешь, что мне нужно. Девчонка ни в коем случае не должна ни о чем вспомнить, по крайней мере, за то время, что находится у тебя.

– Так, так... – протянул Геллендорф. – А правду ли говорят, что Русалочка очень похожа на пропавшую без вести Лизу Кречет, дочку великого художника? Она вроде бы бежала из замка в день смерти отца и с тех пор числится в пропавших без вести.

– Это недолго будет продолжаться, – сказал Жорж. – На днях Анабелла опознает в одном из изуродованных трупов, выловленных из моря, бедняжку Лизу, и она будет провозглашена мертвой.

Профессор хитро улыбнулся.

– И тело похоронят рядом с могилой великого художника и его первой женой. А настоящую дочку Кречета, доставленную тобой в мою клинику, требуется... гм... Так что я должен сделать?

– У тебя ведь пациенты иногда умирают? – спросил без обиняков Жорж.

– Время от времени такое случается, – подтвердил профессор. – Увы, я не господь бог и не в состоянии победить смерть...

– И ты, профессор, порой немного помогаешь ускорить чью-то кончину... – закончил фразу за него Жорж, опускаясь обратно в кресло.

– Как можно! – воскликнул шокированный Геллендорф. – Это клевета, распространяемая моими недоброжелателями!

– Значит, ты так и делаешь: отправляешь на тот свет некоторых из своих подопечных, – констатировал Жорж. – Ясно, что не по собственной инициативе, а по просьбе родственников, которые более чем щедро оплачивают твои услуги по эвтаназии. Ну что ж, профессор, именно это нам и требуется. Девчонка должна умереть.

– Но не грядущей ночью и не на будущей неделе, – заявил Геллендорф. – Не забывай, каждый летальный исход изучается полицией. Кроме того, с начала года у меня в клинике уже скончалось четыре человека, пятый случай вызовет ненужные подозрения. Да и кто захочет лечиться в клинике, в которой пациенты, особенно молодые, мрут, как мухи?

– А мы и не настаиваем на том, чтобы девчонка отправилась к праотцам немедленно. Можно немного и подождать. Только не затягивай, профессор. Ты же жутко умный, я знаю, ты обязательно сумеешь что-нибудь придумать.

– Пребывание девушки в моей клинике будет стоить весьма дорого, – поджав губы, сказал профессор. – Я отдаю ей одну из комнат, в которой мог бы находиться платежеспособный пациент.

– Я так и знал, что твоя жадность за прошедшие годы только усилилась, – вздохнул Жорж. – Вообще-то ты мне еще кое-что должен... Но не будем вспоминать старое. Вот чек, подписанный мадам Кречет.

Он передал бывшему подельнику лиловую бумажку. Увидев сумму, профессор скривил лицо.

– Обычно я беру в три раза больше. Тем более неизвестно, как долго девица пробудет в клинике. Я же сказал, что в этом году уже ничего не получится.

– Оформи все как следует, – приказал «мэтр Барни». – Если будет проверка, полиция должна убедиться, что Анабелла позаботилась о девчонке и выложила из своего кармана круглую сумму.

– Обеспечиваешь прикрытие для безутешной вдовы? – усмехнулся профессор, пряча чек в ящик стола. – Не беспокойся, полиция, если она меня и навестит, получит идеальные документы и историю болезни. Думаю, через пару-тройку месяцев в клинике произойдет несчастный случай, или, возможно, одна из пациенток покончит жизнь самоубийством. Такое случается, хотя и очень редко.

Жорж поднялся.

– Вижу, профессор, мы друг друга поняли. А теперь мне пора.

– Когда состоится твоя свадьба с мадам Кречет, не забудь пригласить и меня, – добавил хозяин клиники и отворил дверь. Профессор и его гость вышли в приемную, где сидела медсестра-секретарша. Пожав Жоржу руку, Геллендорф произнес: – Можете не беспокоиться, мэтр, мы приложим все усилия для того, чтобы наша новая пациентка как можно быстрее пошла на поправку. Даю вам слово!

* * *

Лизе отвели просторную комнату, окна которой выходили на море. Здесь имелись кровать, кушетка, небольшой письменный стол, телевизор, а также собственная ванная комната и туалет. Санитары были вежливы и предупредительны, медсестры постоянно улыбались и говорили проникновенными тихими голосами. И все же девушка не могла отделаться от ощущения, что попала в тюрьму.

Когда санитар вышел из ее комнаты, Лиза услышала тихий щелчок и, бросившись к двери, убедилась, что та заперта. Через некоторое время снова раздался щелчок, и на пороге возник высокий импозантный мужчина с тщательно уложенными седыми волосами и загорелым лицом. Его серые глаза из-за очков в золотистой оправе внимательно изучали новую пациентку.

– Добрый день, моя дорогая, – произнес он, подавая ей руку. – Меня зовут профессор Виктор Геллендорф, я – главный врач клиники, в которой вы оказались.

Голос профессора действовал на девушку успокаивающе. Он подробно объяснил ей, какая терапия будет задействована для того, чтобы активизировать процесс возвращения памяти. Лиза мало что поняла из его объяснений, однако сразу прониклась доверием к доктору.

– Я уверен, что вам, моя дорогая, у нас понравится, – сказал напоследок Геллендорф. – Разрешите заметить, что вам сказочно повезло: вообще-то попасть в мою клинику не так-то просто, желающие иногда по несколько месяцев ждут места. Но я не мог отказать мадам Кречет, которая была так тронута вашей судьбой, что решила оплатить ваше пребывание и лечение у нас.

– А почему дверь моей комнаты запирается? – поинтересовалась Лиза. – А окно забрано решеткой...

– Таковы стандартные предписания Министерства здравоохранения, – развел руками профессор. – Однако вы не должны чувствовать себя в заточении, поэтому с десяти утра до шести вечера вы сможете перемещаться по этажу и даже заглядывать в гости к другим пациентам. При условии, конечно, что они будут согласны на ваш визит. Однако вечером и ночью дверь должна быть закрытой. У нас имеются прелестный сад, а также бассейн, спортзал, обширная библиотека и кинозал. Вам стоит только сказать медсестре или санитару, и они проведут вас туда, куда вам требуется. Вы сами увидите, что наша клиника ничуть не похожа на тюрьму! Мы заботимся не только о здоровье наших пациентов, но и об их интересах. Кормить вас будут три раза в день, и вы обладаете правом выбирать из четырех меню.

Профессор покинул Лизу, и после его ухода девушка долгое время стояла около окна, всматриваясь в море. Появилась медсестра, которая принесла ужин – омлет с ломтиками помидоров, фруктовый салат, кусочек абрикосового пирога и чашку чая. Лиза с аппетитом перекусила, а затем приняла душ. Когда вернулась в комнату, обнаружила, что грязная посуда исчезла, а кровать разобрана, приготовлена для ночного отдыха.

Лиза быстро провалилась в сон, однако посреди ночи проснулась. Электронные часы показывали начало третьего. Ей снова привиделся странный и страшный сон – теперь это была сцена на кладбище. Она знала, что хоронят ее маму.

Во время сеанса психотерапии, который проводил профессор Геллендорф лично, Лиза поведала ему о тревожащих ее снах. Профессор сделал пометки и успокоил девушку:

– Не исключаю, что ваши сны имеют отношение к вашей прошлой жизни, моя дорогая, однако, вероятнее всего, они – отражение ваших психологических проблем и являются аллегориями. Вы не должны думать, что ваша мама действительно умерла или вы были свидетельницей того, как некий старик занимался сексом с молодой рыжеволосой девицей. Думаю, мы можем кое-что предпринять против подобных снов. Я назначу вам таблетки, от которых вы будете спать как убитая!

Профессор сдержал обещание – с того дня Лиза стала получать дважды в день розовые пилюли, и сны прекратились. Жизнь в клинике походила на отдых в отеле – пациенты резвились в бассейне, тренировались в спортзале, смотрели фильмы и брали книги в библиотеке. Лиза надеялась, что беседы с профессором и таблетки, прописанные им, помогут ей вспомнить, кем она была раньше, но проходили неделя за неделей, и ничего не изменялось. Она пыталась узнать у профессора, когда же наступит улучшение, тем более что до прибытия в клинику воспоминания начали возвращаться к ней.

– Дорогая моя, не стоит торопиться, – успокоил ее профессор Геллендорф. – Человеческий мозг – чрезвычайно сложный орган. Мы прикладываем все усилия, чтобы вы смогли вернуться к прежней жизни. То, что вы посчитали воспоминаниями, в действительности было всего лишь вашими фантазиями.

После этого разговора Лиза стала получать белые и синие таблетки. После них она могла часами сидеть на кровати или в углу библиотеки и, уставившись в угол, ни о чем не думать.

Как-то ее навестили мадам Кречет и «мэтр Барни». Они были очень ласковы и оставили ей большую коробку шоколадных конфет. Лиза чувствовала благодарность к этим людям – они ее знать не знали, однако оплатили пребывание в одной из лучших клиник. От большого количества шоколада и принятых незадолго до визита мадам и «мэтра» таблеток девушку потянуло в сон.

Проснулась она внезапно, лежа лицом к стене, левая рука затекла. Лиза хотела было перевернуться, но услышала голоса. Профессор Геллендорф и мадам Кречет стояли, видимо, в дверях ее комнаты и переговаривались.

– Как долго, профессор? Вы обещали, что через пару месяцев все уладите. Прошло уже десять недель.

– Я знаю, мадам. Не торопите меня. Все уже на мази. Думаю, на следующей неделе.

– Что это будет? Самоубийство?

– Нет, для самоубийства у нашей дорогой Русалочки нет оснований. Таблетки возымели великолепный эффект.

– Профессор, не тяните больше с ней. Избавьтесь от нее раз и навсегда.

– Мадам, не так громко! Не забывайте, что в моей клинике всего несколько человек знают всю правду. Большая часть врачей, санитаров и медсестер ни о чем не подозревают. И меняться это не должно. Я уже сказал вам – на следующей неделе.

– Несчастный случай?

– Да, несчастный случай. За всю историю клиники у нас был всего один, так что самое время для второй трагедии.

Профессор и мадам Кречет удалились, голоса смолкли. Лиза, взмокшая от страха, еще какое-то время лежала на затекшей руке. Только когда стало совсем немоготу, перевернулась на другой бок. Они говорили о ней! Русалочка – так ее называли в больнице. Но что они имели в виду под «несчастливым случаем»? Почему с ней должен произойти несчастный случай? Ее размышления прервало появление медсестры с ужином и вечерними таблетками (к синим и белым прибавились зеленые и желтые). Она протянула девушке пластмассовый стаканчик с лекарством и бокал воды.

«Таблетки возымели великолепный эффект». Еще бы, она ни о чем не думает, ничего не хочет, часами сидит в углу и спит, как бревно, без сновидений! Так вот для чего нужны все эти разноцветные пилюли...

– Дорогая, прими, пожалуйста, таблетки. Ты же знаешь, они требуются для твоего скорейшего выздоровления, – проворковала медсестра.

Девушка поднесла стаканчик к губам и опрокинула его содержимое в рот. Медсестра, улыбаясь, следила за ней. И как же раньше она не замечала, что за тем, чтобы она проглотила таблетки, всегда следят? И это – клиника? Нет, настоящая тюрьма!

Лиза намеренно задела локтем поднос с ужином, который медсестра водрузила на стол. Тарелки полетели на пол, медсестра бросилась поднимать их. Воспользовавшись тем, что она отвлеклась, Лиза выплюнула таблетки изо рта и зажала их в кулаке.

Медсестра снова уставилась на нее, и девушка отпила большой глоток из бокала, делая вид, как будто глотает таблетки.

– Извините, – пробормотала Лиза, указывая на разбитую посуду. – Я такая неловкая...

– Ничего страшного, моя дорогая, – ответила медсестра. – Ты приняла таблетки? Вот и хорошо! Сейчас я принесу тебе ужин!

Медсестра вышла, Лиза бросилась в туалет и спустила таблетки в унитаз. Но те упорно не уходили в канализацию. Запаниковав, Лиза опустила крышку и уселась на нее. Если медсестра увидит таблетки, то поймет, что она обманула ее, и тогда...

– Моя дорогая, я вернулась! – раздался голос медсестры. – Ужин на столе! Приятного аппетита!

Выглянув из туалета и убедившись, что медсестра удалилась, девушка, встав на колени перед унитазом, выудила из него размокшие таблетки, завернула их в клочок туалетной бумаги и снова бросила в унитаз. Теперь поток журчащей воды унес их в трубу.

Переведя дух и тщательно вымыв руки, Лиза вернулась в комнату. Она подошла к столу, села и уже занесла вилку над тарелкой с пюре, когда ее пронзила мысль – не исключено, что они подмешивают что-либо в еду!

От тарелки исходил приятный аромат, но Лиза, размазав еду вилкой, съела только большую грушу и марципан, который был завернут в фольгу и вряд ли мог быть нашпигован невесть какими медикаментами.

– Ты практически ничего не скушала, моя дорогая? – удивилась медсестра, когда пришла, чтобы забрать поднос. – Неважно себя чувствуешь?

– Просто нет аппетита, – ответила Лиза.

Медсестра пощупала лоб девушки и заметила:

– Похоже, у тебя температура. Доложу дежурному врачу, он даст тебе таблетки!

– Нет! – вырвалось у Лизы. Медсестра с удивлением посмотрела на девушку. – Я хотела сказать, что у меня нет температуры, просто я устала, вот и все, – пояснила, запинаясь, Лиза.

Ее осмотрел дежурный врач и пришел к выводу, что пациентка в самом деле переутомилась. Ей были выданы две оранжевые пилюли. Врач не следил за тем, чтобы Лиза проглотила

лекарство, и девушка только сделала вид, что приняла его. Наконец врач удалился, заперев дверь, погас свет, и Лиза осталась одна.

Сон все не шел. Наверное, таблетки, которые она принимала в последние недели, нарушили природный ритм. Лиза лежала в кровати и думала. Не было и речи, чтобы рассказать обо всем кому-то из врачей, санитаров или медсестер. Профессор сказал, что большая их часть «не в курсе». Не в курсе чего? Ответ был один – речь шла о манипуляциях с пациентами и преступлениях, происходящих в клинике! Даже если она исповедается тому, кто не выполняет преступные поручения профессора, этот человек может ей не поверить и, посчитав ее признание выдумкой или, что хуже, проявлением психической болезни, тотчас выложит все Геллендорфу. А тот не будет с ней церемониться.

Но почему? Почему мадам Кречет хочет от нее избавиться? Чем она так досадила этой молодой и богатой вдове? Они ведь не были даже с ней знакомы...

Не были? А вдруг мадам Кречет что-то знает о ее прошлой жизни? Судя по всему, мадам ее боится! Теперь становится понятно, для чего «добрая мадам» поместила ее в клинику профессора Геллендорфа – чтобы Русалочка находилась под постоянным и неусыпным контролем!

Лиза окончательно уверилась в том, что мадам Кречет и, возможно, профессор знают гораздо больше о ее прежней жизни, чем делают вид. На следующей неделе... На следующей неделе! Они хотят избавиться от нее, изобразив несчастный случай!

Что же делать? Кричать и биться в истерику? Тогда ее запрут в боксе, расположенном в подвале, и там с ней действительно произойдет «несчастный случай». А вот если она будет находиться среди других пациентов, тогда у них будет меньше шансов убить ее...

Девушка уже не сомневалась: на ее жизнь покушаются. Но, черт возьми, почему? Она – Русалочка, которая не помнит своей прежней жизни. Если бы вспомнить, что было с ней раньше, до того, как она оказалась в море... Наверняка тогда получила бы ответы на все мучившие ее вопросы.

В ту ночь Лиза спала только урывками. Под окнами ревел море и шумел ветер, и от этого делалось страшно. Она не должна принимать таблетки, потому что они лишают ее воли. А с безмозглой, похожей на робота пациенткой действительно может произойти «несчастный случай». Но как избежать приема таблеток?

На следующее утро Лиза попыталась обмануть санитара. Он принес ей завтрак и подал пластмассовый стаканчик с разноцветными пилюлями. Второй раз опрокидывать поднос нельзя. Лиза вытряхнула таблетки на язык и попыталась спрятать их за щеку. Санитар подал бокал с водой.

– Запей, так будет лучше, – приказал он.

Лиза не осмелилась воспротивиться. Она сделала глоток в расчете, что проглотит только воду, а таблетки останутся во рту, но у нее ничего не получилось – сумела задержать языком только одну из них, остальные все-таки проскользнули в желудок.

– Отлично, – произнес санитар, забирая пустой пластмассовый стаканчик. – А теперь приятного аппетита, моя дорогая!

Едва он скрылся, Лиза бросилась в ванную и, склонившись над ванной, засунула в рот два пальца. Она должна как можно скорее вывести таблетки наружу! Ей удалось вызвать несколько рвотных спазмов, но таблетки оставались в желудке.

Лиза бросилась обратно в комнату и принялась запихивать в рот еду. Ну конечно, у нее пустой желудок, ее попросту не может вырвать! Запив все бокалом сока, она вернулась в ванную и, открыв кран, принялась жадно пить теплую воду. Когда в животе потяжелело, она снова попыталась избавиться от содержимого желудка. Безрезультатно.

А время шло... Таблетки наверняка уже расщепляются, и яд поступает в кровь!

Девушка снова бросилась в комнату, схватила вилку и попыталась закинуть рукоятку как можно глубже в горло. Наконец Лизу вывернуло. Она проделала манипуляцию с вилкой еще раз. В третий раз желудок отозвался болезненными спазмами – он был пуст.

Тщательно смыв остатки пищи в канализацию, Лиза уставилась на себя в зеркало. Так она долго не протянет, если бегать в ванную после каждого приема таблеток. Они собираются убить ее на следующей неделе, а сегодня – пятница. Значит, единственная возможность не погибнуть от «несчастливого случая» или «самоубийства» в клинике профессора Геллендорфа – побег.

* * *

Самым сложным было делать вид, что все по-прежнему в порядке. Лиза знала: у нее всего несколько дней для того, чтобы найти выход из мышеловки. Покинуть клинику казалось невозможным: комнаты пациентов располагались на втором и третьем этаже, и спуститься вниз, на первый, без сопровождения медперсонала никто не мог – для этого требовалось миновать несколько решеток, ключи от которых у врачей.

Прогуливаясь по парку, девушка напряженно думала о том, как же удрать из клиники. Выломать решетку на окне, разорвать простыню и одеяло на лоскутки, связать из них канат и спуститься вниз? Нет, тоже не выход, ведь под окнами бушующее море, острые скалы.

Если раньше дни тянулись невероятно долго, то теперь, когда Лиза узнала о том, что ей осталось жить совсем немного, они пролетали с невероятной скоростью. Она питалась фруктами и пирожными, полагая, что в них трудно что-либо подсыпать, остальную еду выбрасывала в унитаз.

В воскресенье, зная, что Геллендорфа и большей части врачей в клинике нет, она рискнула проникнуть в кабинет профессора. Не исключено, что в его архиве найдется ответ на вопрос, кем же она является.

Дверь в приемную была приоткрыта – медсестра что-то строчила на пишущей машинке. Лиза притаилась, выжидая удобного момента. Он наступил, когда раздался звонок телефона и медсестра, сняв трубку, произнесла:

– Да, сейчас я его позову!

Девушка отпрянула от двери и забежала за угол. Медсестра вышла из приемной и направилась в ординаторскую, Лиза, глубоко вдохнув, бросилась в приемную. Она знала, что времени у нее в обрез, вряд ли больше двух или трех минут. Если ее здесь застукают и увидят, как она копается в письменном столе секретарши профессора, последствия будут самые плачевные.

Ключи висели за стеклом в небольшом ящичке около стола. На каждом ключе имелась табличка с надписью. Лиза схватила тот, где значилось «Запасной для кабинета профессора Г.», и повесила на его место ключ, висевший в самом низу. То же самое она проделала и с ключом от приемной. Увы, ключей от решеток или входной двери там не было.

Она выбежала прочь, и вовремя, потому что секундой позже из-за угла вывернула медсестра в сопровождении дежурного врача. Лиза боялась, что медсестра заметит исчезновение ключей и поднимет тревогу, но нет, все было тихо.

Сестра покинула пост незадолго до ужина. Лиза, следившая за ней из коридора, увидела, как та закрыла приемную и отправилась восвояси. Девушка поняла, что пробил ее час. Она подбежала к двери и вставила в замочную скважину один из украденных ключей.

Замок тихо щелкнул, ручка плавно пошла вниз, и Лиза оказалась в темной приемной. Она заперла дверь, включила свет и подошла к кабинету. Дрожащими от волнения пальцами она попыталась вставить ключ в замочную скважину, но тот выскользнул и упал на паркет. Девушка нагнулась, чтобы поднять его, и услышала голос, шедший из коридора.

– Нет, не может быть, чтобы я забыла отчет! Вот я растяпа!

Лиза в ужасе поняла, что медсестра возвращается. У девушки была всего пара секунд, чтобы метнуться за кожаное кресло и, сжавшись в комок, притаиться за его широкой спинкой.

Дверь скрипнула, на пороге возникла медсестра. Она в недоумении произнесла:

– Я что, забыла выключить свет? Нет, мне это решительно не нравится! И документы, которые требуется отвезти профессору, оставила, и свет не выключила...

Медсестра подошла к столу, выдвинула ящик и вынула из него красную папку. Лиза из своего укрытия напряженно смотрела на оброненный ею ключ, который лежал возле двери кабинета Геллендорфа. Если медсестра увидит его...

Но та, всего лишь хмыкнув, погасила свет и вышла в коридор. Лязгнул замок двери, и Лиза громко вздохнула. Она едва не попалась! С трудом придя в себя, девушка ждала, не явится ли медсестра во второй раз. Но этого не произошло.

На карачках Лиза проползла в кромешной темноте по направлению к двери профессора и больно ударилась об нее лбом. Свет она больше не будет включать, а то еще привлечет внимание дежурного врача или санитаров...

Она долго шарила рукой по паркету, пока не нащупала ключ. Зажав его в руке, Лиза поднялась и попыталась вставить его в замочную скважину. Конечно же, у нее не сразу получилось – было темно, да и девушку била нервная дрожь. Наконец она сумела воткнуть ключ в скважину и повернула его три раза. Дверь кабинета профессора Геллендорфа распахнулась. Девушка прошла внутрь, прикрыла за собой дверь и щелкнула выключателем. Окна кабинета выходили на море, поэтому никто, кроме рыбаков, не мог заметить, что здесь горит свет.

Первым делом девушка ринулась к письменному столу и в первом же ящике обнаружила большую связку ключей. Каждый из них был снабжен биркой, и Лиза возликовала – там были ключи и от решеток на всех этажах, и от входной двери, и даже от ворот.

Девушка опустила связку в карман халата. Этой же ночью она покинет клинику. И пускай ее ищут! Уж на свободе она сумеет скрыться! Лиза сосредоточила свое внимание на ящиках с картотекой. Там хранились истории болезни пациентов, как нынешних, так и бывших. Но как она могла найти там себя? Она не знала ни имени, ни фамилии, которые были даны ей при рождении. Профессор и медицинский персонал именовали ее «моя дорогая», а пациенты – «Русалочкой».

Но истории болезни с надписью «Русалочка» в архиве не обнаружилось. Не пересматривать же все карточки, которых было несколько тысяч! Девушка, испытывая легкое разочарование, смирилась с тем, что ей придется покинуть клинику, так и не узнав о себе правду.

Она вышла из кабинета, заперла его, затем покинула и приемную. Минуту спустя после того, как она зашла к себе в комнату, появился санитар с ужином. Первым делом он подал ей таблетки. Санитар был не из числа ретивых, поэтому, когда он отвернулся, девушка украдкой высыпала таблетки под подушку, а затем сделала вид, что принялась за еду. Как только санитар вышел, она съела кусок ежевичного рулета и красное яблоко, утолила жажду из-под крана и спустила содержимое тарелок в канализацию.

Наступало время побега. Санитар заберет грязную посуду примерно через полчаса и потом запрет ее, как и прочих пациентов, до следующего утра. Лиза сделала из запасного одеяла, которое она взяла из шкафа, некое подобие фигуры, накрыла его простыней и осталась довольна: взглянув на кровать, можно было подумать, что обитательница комнаты, укрывшись с головой, мирно спит.

Девушка приоткрыла дверь и осторожно выглянула в коридор. Как назло, около соседней комнаты стояли два санитар и о чем-то болтали. Лиза, выждав еще пару минут, снова открыла дверь – санитары исчезли.

Она вышла и затворила за собой дверь. Сейчас или никогда! Лиза двинулась по коридору по направлению к первой решетке, которой он завершался. Связка ключей приятно оттягивала

карман халата. Внезапно девушке пришла в голову мысль – неужели ей придется покинуть клинику в таком нелепом виде – одетой во фланелевый халат, ночную рубашку и тапочки на босу ногу?

Проходя мимо ординаторской, Лиза увидела дежурного врача, крепко спящего перед работающим телевизором. По вечерам и ночью работы в клинике практически не было, за исключением экстренных случаев. Поддавшись внезапному импульсу, Лиза перешагнула через порог и подошла к шкафу. В нем она обнаружила длинный серый плащ и фетровую шляпу. Сунув их в обнаруженную там же сумку, Лиза решила, что на первых порах ей этого хватит. Свой халат она сменила на белый больничный и надела шапочку, отчего сделалась похожей на медсестру или санитарку. Помимо этого, она прихватила из портмоне дежурного врача, почему-то оставленного на столе, около ста франков. Красть, конечно же, нехорошо, но у нее не было иного выхода.

Лиза приблизилась к первой решетке, которая отделяла от нее лестницу, что вела вниз. С легким скрипом та открылась, и девушка возликовала. Заперев решетку за собой, она спустилась на этаж ниже, отомкнула еще одну решетку, спустилась по лестнице на первый этаж и отомкнула третью решетку.

Она почти на свободе! Оставалось только миновать коридор, который выведет ее к холлу, и открыть массивную входную дверь. На своем пути она не встретила ни врачей, ни санитаров. Девушка, радостно улыбаясь, подошла к двери и решительно вставила в замочную скважину ключ. Что-то пискнуло, и она заметила на стене около двери мигающий монитор, на котором заглась надпись: «Пожалуйста, введите актуальный код».

Актуальный код? Лиза попробовала повернуть ключ, но не смогла. На мониторе возникла надпись: «Пока вы не ввели актуальный код, дверь будет заблокирована». Она и понятия не имела, что входная дверь снабжена сигнализацией! Когда ее привезли в клинику, не обратила на это внимания. Но каким же может быть актуальный код?

Лиза набрала сегодняшнюю дату – 14.12.1971. Новая надпись оповестила ее: «Вы набрали неверный код. Пожалуйста, наберите актуальный код, иначе через тридцать секунд раздастся звуковой сигнал».

Девушка выдернула ключ из замочной скважины. На экране возникли цифры – 30, 29, 28, 27... Она не знает актуального кода, поэтому дорога на свободу ей отрезана. Лиза бросилась обратно к решетке, и, когда она была на лестнице между первым и вторым этажом, раздался заунывный вой сирены.

На втором этаже она столкнулась с несколькими встревоженными санитарями. Лиза обомлела – она попалась!

– Что там такое произошло? – спросил ее один из санитаров. – Вы не знаете, сестра?

– Неужели кто-то из пациентов пытался покинуть клинику без соответствующего разрешения? – предположил второй.

Подоспевший дежурный врач авторитетно заявил:

– Это полностью исключено! Все вниз! А потом на всякий случай проверьте, все ли пациенты в своих комнатах!

Сообразив, что ее приняли за одну из своих благодаря белому халату и шапочке, Лиза сделала вид, что устремляется вниз, но вместо этого поднялась на третий этаж. В суматохе на новую медсестру никто не обратил внимания – персонал на третьем этаже думал, что она со второго, а на втором были уверены, что она – с третьего.

Попасть в свою комнату Лиза не смогла, потому что ее уже заперли. Воспользовавшись всеобщей паникой, девушка проникла в приемную профессора и отыскала запасной ключ от своей комнаты. Вернувшись в нее, она заперла дверь изнутри и, раздевшись и спрятав халат в ванной, нырнула под одеяло.

Минут через пять дверь в ее комнату раскрылась, вспыхнул свет, санитар откинул одею, скрывавшее лицо Лизы. Девушка притворилась спящей. Санитар сказал, обращаясь к кому-то:

– Да нет, наша Русалочка на месте. Если кто и пытался бежать, то не она.

Когда дверь за санитаром закрылась, Лиза дала волю слезам. Она никак не могла поверить, что попытка побега провалилась. Наверняка профессор Геллендорф затеет расследование. Выяснится, что пропали ключи из приемной, а также одежда и деньги дежурного врача.

Беготня прекратилась только час спустя. Выждав еще минут сорок, Лиза поднялась, вытащила из ванной сумку с одеждой и запихнула ее под кровать. Утром она решит, что делать.

* * *

За завтраком она спросила медсестру:

– Ночью я слышала крики и ко мне, кажется, заходили. Что случилось?

– Сработала сигнализация, – уклончиво ответила медсестра. – Кто-то пытался проникнуть в клинику.

Выбрав удобный момент, Лиза вынесла из своей комнаты сумку и спрятала ее за большой кадкой с фикусом. Врачи и медсестры о чем-то переговаривались, и из обрывков фраз Лиза поняла – профессор Геллендорф обнаружил исчезновение ключей из своей приемной, а также то, что кто-то копался в архиве, и приказал отыскать виновного. Комнаты пациентов были обысканы, в том числе и Лизина. Радостный вопль одного из санитаров оповестил, что найдена сумка с уликами.

Девушка спустилась в сад, а оттуда направилась в библиотеку. Она заметила, что санитары внимательно наблюдают за пациентами. Своей неудачной попыткой побега она добилась только того, что будут ужесточены правила, а охрана клиники только усилится. А ведь уже понедельник! Профессор обещал мадам Кречет организовать «несчастный случай» до четверга.

Лиза не знала, что ей делать. Рано или поздно Геллендорф выйдет на нее. Она услышала, как два санитаря переговариваются:

– Он приказал взять у всего персонала отпечатки пальцев! Думает, что кто-то из нас попытался организовать побег одного из пациентов.

– Тогда это должен быть врач. Мы, санитары, не знаем кода, при помощи которого можно открыть ночью входную дверь.

– Вот и я о том же! Точно, работа одного из врачей! Только кто из пациентов нанял его? Это тоже выяснится. Геллендорф хочет взять отпечатки пальцев и у пациентов, ведь на сумке их очень много.

Лиза, листавшая в тот момент большой фотоальбом по искусству, похолодела.

– И кто, как ты думаешь, пытался дать деру? Один из психов со второго? Там, говорят, сидит актер, который свою жену придушил. Его отмазали от тюрьмы, но по настоянию родственников поместили сюда. Или, может, писательница детективов, которую застукали в магазине, когда она пыталась впрыснуть в овощи синильную кислоту? Тетка перепутала выдумку в своих книгах с реальностью и решила узнать, что же такое настоящее убийство.

– Или племянник премьер-министра, он ведь неуправляемый. На меня бросался, чуть шею не перегрыз. Воображает себя вампиром. Из-за наркотиков совсем мозги набекрень.

– Ну уж точно не наша Русалочка, – заметил с ехидным смехом его приятель, ткнув пальцем в Лизу.

Девушка едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть. Пока что ее считают безобидной особой с затуманенным сознанием, но ведь отпечатки пальцев возьмут и у нее. Что же делать?

Лиза, пытаясь унять страх, пролистывала страницы альбома, даже не глядя на фотографии картин. Пока не поздно она может попытаться бежать сейчас, днем, когда этого никто

не ожидает. Или попытаться пробраться в комнату с телефоном и сообщить в полицию, что в клинике насильно удерживают пациентов? Но вряд ли ей поверят, Геллендорф все уладит, заверив, что это выходка одного из его подопечных, страдающего шизофренией или синдромом наркотической абстиненции. Но не может же она сидеть и покорно ждать, когда ее убьют!

Внезапно девушку словно током ударило. Репродукция картины! Она видела ее краем глаза и не придавала значения! Лиза судорожно пролистала несколько страниц...

Рыжеволосая нагая женщина лежит на белой кушетке, которая стоит посреди макового поля... Почему вдруг у Лизы так заныло сердце? Как будто... как будто она очень хорошо знает картину! Вроде видела ее, причем много раз, чуть ли не каждый день... Сюжет так похож на те мотивы, что возникают у нее в мозгу. Она думала, что мотивы приходят ниоткуда, а в действительности просто когда-то видела эту картину. Но почему она так запала в душу?

Лиза прочитала подпись под фотографией: «Леон Кречет. Портрет музы в маках. 1957 год. Музей Гугенхейма, Нью-Йорк». И у девушки перехватило дыхание. Ослабевшими пальцами она перевернула страницу. Вот еще одна репродукция полотна Леона Кречета – «Муза и ее дочь».

Лиза подскочила, опрокинув стул. Прочие больные, которые были в библиотеке, устали на нее, а одна из пациенток, пожилая дама с фиолетовыми волосами и аристократической осанкой, прошипела:

– Мадемуазель, вы забываетесь!

Один из санитаров подоспел к Лизе и, подняв стул, спросил:

– С вами все в порядке?

– Да, да... – пробормотала девушка, ощущая, что ноги ее не слушаются. Она опустилась на стул и закрыла глаза.

Стоявший рядом с ней санитар глянул на открытую страницу и, присвистнув, произнес:

– Вот ведь рыжеволосая бестия! И кто таких уродов только рисует?

Он отошел, оставив Лизу наедине с фотоальбомом. Дрожа, она вновь посмотрела на репродукцию картины «Муза и ее дочь». Память вернулась к ней. События прошедших лет и месяцев, как волны, захлестнули девушку.

Доктор в Ницце говорил, что необходим толчок. И таковым стала картина ее отца – Леона Кречета. Лиза обхватила голову руками и, опершись локтями на стол, попыталась унять дрожь. Никто не должен понять, что она все вспомнила!

Смерть мамы... Женитьба отца на Анабелле... Интернат в Швейцарии и возвращение домой вскоре после восемнадцатого дня рождения... Умиравший отец... Признание Анабеллы и ее любовника – они травят отца таллием... Последнее, что сохранилось у нее в памяти, – братья Анабеллы, пришедшие в подвал, где она сидела, чтобы убить.

Лиза начала восстанавливать последующие события. Ее попытались утопить в море, но попытка не удалась. Ее выбросило на берег, где на нее наткнулся бездомный. Она была жива, но потеряла память.

Анабелла и ее сообщник прекрасно знали, кем она является, когда навещали в больнице. Поэтому мадам Кречет и проявила «небывалую заботу», вызвавшись оплатить пребывание неизвестной Русалочки, которая на самом деле была ее падчерицей, в клинике профессора Геллендорфа. И профессор – сообщник Анабеллы и ее любовника. Они наверняка заплатили ему, чтобы он инсценировал «несчастный случай». Еще бы, ведь Русалочка опасна – вспомнив все, она захочет связаться с полицией и рассказать правду. И тогда Анабелла лишится богатства, которое ей принесло убийство мужа...

Лиза украдкой посмотрела на санитаров. Вряд ли они замешаны в преступных махинациях своего босса, но если она расскажет им, что к ней вернулась память, они немедленно донесут обо всем Геллендорфу. Она самостоятельно должна найти выход!

Девушка долго размышляла, десятки, сотни мыслей вились в ее голове. Что она может предпринять, каким образом дать сигнал наружу?

Ее раздумья прервал странный хрип. Повернувшись, Лиза увидела даму с фиолетовыми волосами, которая сделала ей замечание. Кажется, это была супруга владельца крупного химического концерна, происходившая из графского рода и страдавшая болезнью Альцгеймера. Женщина лежала на полу, ее лицо сравнялось по цвету с волосами, она пыталась разодрать себе ногтями горло. Около пациентки суетились санитары.

– Я видел: она сняла с шеи ожерелье, разорвала его и стала глотать жемчужины, – доложил один из пациентов. – Одна из жемчужин наверняка застряла в дыхательных путях. Она окончательно свихнулась, наша мадам графиня!

Один из санитаров пытался реанимировать мадам, другой бросился за врачами. Лиза поняла, что у нее появился уникальный шанс – пока все заняты графиней с фиолетовыми волосами, наглотавшейся жемчуга, можно попытаться спастись.

Девушка выскользнула из библиотеки и, пробежав по коридору, увидела раскрытую дверь ординаторской. Там никого не было – врачи находились в библиотеке. Покинуть клинику она не сможет, ее поймут еще до того, как она доберется до ворот, а вот позвонить на волю...

Лиза завидела красный телефонный аппарат на письменном столе. Она подошла к нему и подняла трубку. А что, если в клинике имеется собственный коммутатор и позвонить в Ниццу или Бертран она не сможет?

Но в трубке послышался непрерывный сигнал – значит, городской телефон. Какой номер набрать? Они ведь находятся на территории Франции... Лиза заметила на столе под стеклом список разнообразных служб с указанием номеров. Пожарная команда, неотложная медицинская помощь, газовая служба...

Лиза набрала несколько цифр и услышала женский голос:

– Полицейское отделение...

Перебив женщину, Лиза зашептала:

– Меня зовут Лиза Кречет, я – дочь знаменитого художника Леона Кречета. Вы ведь слышали о таком? Я нахожусь в клинике профессора Геллендорфа, она располагается недалеко от Ниццы, точный адрес мне, к сожалению, неизвестен. Меня удерживают здесь силой. Кроме того, профессор заодно с моей мачехой. Я слышала, как они обсуждали план моего убийства. Прошу вас, освободите меня как можно скорее, я нахожусь в смертельной опасности.

Лиза положила трубку, и в ординаторскую вошел один из санитаров. Заметив девушку, он нахмурился, подошел к ней и спросил:

– Дорогая моя, что вы здесь делаете?

– Я... хотела позвать на помощь... – запинаясь, ответила девушка. – Я была в библиотеке, а мадам графиня... она...

Санитар, взяв девушку под руку, вывел ее из ординаторской и сообщил:

– С мадам все в порядке, нам удалось ее спасти. Так что не беспокойтесь, моя дорогая. И запомните – в ординаторской вам делать нечего. А теперь ступайте к себе. Вы ведь с третьего этажа?

Лиза отправилась к себе в комнату. Сколько времени потребуется полиции, чтобы добраться до клиники? Полчаса? Час? Да, никак не больше часа. Они не смогут проигнорировать звонок, они обязаны реагировать даже на самые идиотские сообщения.

Забравшись с ногами на кровать, Лиза задумалась. Вот все и завершилось. Она отправится на свободу, профессора и Анабеллу арестуют. Она расскажет обо всем, что с ней произошло, тело отца эксгумируют и обнаружат следы таллия. Анабелла и ее сообщники получают по максимуму – отец был гражданином Французской Республики, а согласно ее законам высшая мера – это гильотина. Анабелла и ее дружки в полной мере заслуживают казни!

Дверь Лизиной комнаты отлетела, ударившись ручкой о стену. Девушка узрела профессора Геллендорфа собственной персоной – волосы его были растрепаны, лицо и шея покрыты бордовыми пятнами, лицо искажала злобная гримаса. Его сопровождал высоченный амбал-санитар.

Захлопнув дверь, профессор подошел к Лизе и наотмашь ударил ее по лицу.

– Маленькая сука, значит, это ты пыталась бежать вчера ночью, – произнес профессор.

Понимая, что отрицать очевидное бессмысленно, Лиза дерзко ответила:

– Да, профессор. Или вы думали, что я буду ждать, пока вы меня убьете, как обещали моей маме Анабелле?

Геллендорф расхохотался:

– Хитрая гадкая тварь! Ты все слышала! И скрыла от меня, что к тебе вернулась память, вызвала полицию! Хорошо, что у меня имеются осведомители и мне заранее сообщили, что в клинику направляется полицейский патруль.

Лиза возликовала. Еще немного, и она спасется!

– Не завидую вам, профессор, – сказала девушка. – Сколько вам дадут за ваши гешефты? Ведь наверняка я – не единственная, кого вы пичкаете таблетками и убиваете по заказу родственников. Вашу клинику закроют, вас лишат профессорского звания и отправят в тюрьму на долгие годы, возможно, до конца ваших дней.

Геллендорф кивнул санитару, тот подошел к Лизе и крепко обхватил ее. Она попыталась сопротивляться, но у нее не было шансов справиться с двухметровым гигантом весом в сто с лишним килограммов.

Профессор извлек из кармана шприц, набрал из ампулы прозрачной жидкости и вонзил иглу Лизе в предплечье.

– Поганая лицемерка! Ты думаешь, я позволю тебе разрушить мою жизнь? Ни за что! Ты слишком рано празднуешь победу.

Лиза ощутила необычайную слабость, в ушах зашумело, веки стали слипаться. Девушка пыталась противостоять действию гадости, которую впрыснул ей Геллендорф, заклиная себя не засыпать, но меньше чем через тридцать секунд она погрузилась в глубокий медикаментозный сон.

* * *

Убедившись в том, что Лиза заснула, Геллендорф указал на девушку санитару и велел:

– Полиция будет в клинике с минуты на минуту. Так что доставь ее в лабораторию. Причем так, чтобы никто девчонку не видел.

Санитар кивнул, вышел из комнаты и вернулся через минуту с каталкой. Он водрузил на нее Лизу и накрыл простыней.

Геллендорф вернулся в кабинет и привел себя в порядок. Раздался зуммер селектора, и медсестра-секретарша доложила:

– Профессор, вас хотят видеть господа из полиции.

Профессор приказал:

– Немедленно проводите их ко мне в кабинет!

Он посмотрелся в зеркало и убедился, что выглядит, как всегда, безукоризненно. Поправив узел галстука и натянув на лицо свою самую обворожительную и невинную улыбку, Геллендорф вышел в приемную, где столкнулся с полицейскими, которых сопровождал один из врачей.

– Добрый день, профессор, – произнес первый полицейский. – Мы получили звонок из вашей клиники от одной из пациенток, которая утверждает, что ее удерживают у вас силой и намереваются убить. Ее зовут Лиза Кречет.

Геллендорф попросил гостей в кабинет и приказал секретарше ни при каких обстоятельствах не беспокоить.

– Лиза Кречет? Дочь великого Леона Кречета? В моей клинике такой пациентки нет, – заявил Геллендорф и указал на архив. – Можете сами убедиться, господа. И вообще, если мне не изменяет память, Лиза Кречет считалась пропавшей без вести, но не так давно ее тело было прибито волнами к берегу. Могу ли я предложить вам кофе?

Один из полицейских занялся архивом, другой ответил:

– Вы правы, профессор, Лиза Кречет была похоронена около трех недель назад. Но вы понимаете, что мы обязаны реагировать на любой звонок.

В дверь кабинета постучали. Профессор распахнул ее и гаркнул:

– Я же просил не беспокоить нас!

Санитар, который отвез Лизу в лабораторию, появился, держа за руку сутулую полную женщину с бессмысленным выражением лица.

– Профессор, – произнес он, – мы установили, кто звонил, – мадам Селаж.

Мадам пропищала:

– Да, это я звонила! Леон Кречет – мой любимый художник. Я читала о его дочери в газете! И мне захотелось стать ею! Бедняжка, она умерла такой молодой!

– Ах, наша дорогая мадам Селаж... – отечески покачал головой профессор Геллендорф. – Право же, я не могу на вас сердиться. Мишель, отведите ее обратно в комнату!

Когда санитар и мадам скрылись, профессор пояснил:

– Мадам Селаж страдает врожденным слабоумием. До того, как ее доставили к нам в клинику, ее любимым занятием было звонить по телефону в разнообразные инстанции и представляться то английской королевой, то женой президента республики, то Девой Марией. Разрешите вам показать ее историю болезни...

* * *

Лиза открыла глаза и несколько секунд была уверена, что ей привиделся ночной кошмар. Разъяренный профессор Геллендорф, бугай-санитар, полиция... И только потом девушка поняла, что все произошло с ней в действительности. Она вспомнила, кем является, и позвонила в полицию, и та приехала, чтобы освободить ее. Но где она находится?

Девушка потянулась и попыталась встать, однако у нее не получилось. Она лежала на операционном столе, ее запястья и лодыжки были стянуты кожаными ремнями. С трудом приподняв голову, Лиза осмотрелась по сторонам – похоже, она в лаборатории: большое помещение заставлено столами и шкафами с колбами и пробирками, гудящими аппаратами и большими баками. Геллендорф ввел ей снотворное и запер в одном из подсобных помещений. Наверняка полиция уже приехала!

– Я здесь, помогите! – закричала изо всех сил Лиза. – Пожалуйста, освободите меня!

Десять минут спустя у нее заболело горло – на ее крики никто не откликался. Лиза почувствовала себя абсолютно беспомощной, поняв, что ее не слышно. Наверняка она находится сейчас под землей, в подвале, металлические двери и толстые бетонные стены отделяют ее от кабинета профессора, в котором находятся полицейские. Профессор наверняка изобретет достоверное объяснение для звонка. Ее карточки в архиве нет, а значит, как пациентки ее не существует.

Что же она наделала! Своей выходкой она только ускорила собственную смерть! Лиза не сомневалась в том, что Геллендорф умертвит ее в полном соответствии с соглашением, которое заключено между ним и Анабеллой. И произойдет это не в четверг, как он обещал, а сегодня. Возможно даже, сейчас...

Девушка попыталась освободиться, вырвать руку или хотя бы ногу из кожаной петли, но не смогла. В конце концов выдохлась и поняла: она не сможет ничего поделать. Ей остается только одно – смиренно ждать появления профессора и смерти. Получается, что Анабелла в очередной раз восторжествует – мачеха избавилась не только от мужа, получив все его миллионное состояние, но и от его настырной дочери.

Лиза прислушалась – до нее донеслись странные звуки. Так и есть, что-то скрипнуло, и она услышала шаги. Девушка, набрав в легкие воздуха, уже хрипло закричала:

– Я здесь! Помогите мне! Меня хотят убить! Не верьте им, они лгут!

– Неужели? – услышала она грубый голос и, приподняв голову, увидела ухмыляющегося санитаря, того самого, что помогал профессору Геллендорфу. Лиза завопила еще сильнее. Санитар подошел к ней и заявил: – Можешь не надрываться, полицейские только что уехали, вполне удовлетворенные объяснением, которое дал профессор. Тебя, дорогая моя, в природе не существует. Вернее, ты все еще имеешь, но это легко изменить!

Лиза с ужасом наблюдала за санитаром, который, подойдя к одному из столов, стал орудовать шприцем.

– Не убивайте меня, пожалуйста! – произнесла она жалобно. – Меня зовут Лиза Кречет, я – дочь известного художника. Как только я окажусь на свободе, то выплачу вам любую сумму и помогу скрыться из Франции. Вы сможете начать новую жизнь богатым человеком!

Санитар, привлеченный ее словами, подошел к Лизе и спросил:

– И что, ты готова выплатить мне сто тысяч? Пятьсот тысяч? И даже миллион? Или подарить несколько картин из коллекции твоего папани, которые на аукционе продаются толстосумам?

– Все, что угодно, – ободренная интересом, заверила санитаря Лиза. – Анабелла завладела деньгами преступным способом, и замок, и картины принадлежат только мне. Я обещаю вам, что вы получите свою долю, как только все урегулируется. Отпустите меня!

Санитар злобно улыбнулся:

– Ага, я тебя выпущу, а потом ты предпочтешь забыть о своем обещании, детка. Вот если бы у тебя тут был чемоданчик с миллионом или хоть одна картина твоего папаша, то я, может быть, и задумался бы над твоим предложением. А так – оно меня не интересует. Профессор Геллендорф очень хорошо платит, и мне вовсе не хочется покидать Южную Францию и удирать куда-нибудь в Австралию или Латинскую Америку, зная, что по моим следам мчится Интерпол.

– Я клянусь, что... – начала Лиза, но ее прервал появившийся в дверях профессор Геллендорф.

– Пытаешься подкупить моего помощника? Мишель, сколько она тебе предлагала?

– Миллион, – ответил тот. – И картины папаша. А они ведь стоят намного дороже, правда?

К столу, на котором лежала Лиза, приблизился профессор и заявил:

– Ты устроила незабываемое представление, девочка. Никогда бы не подумал, что ты на такое способна. Впредь буду умнее – я уже приказал изменить систему охраны и хранить ключи в сейфе. На следующей неделе установят камеры внутреннего слежения по всей клинике. Мишель, ты подготовил инъекцию?

– Так точно, профессор, – ответил санитар. – Прикажете, чтобы я ввел ее девочке?

– Нет, спасибо, я сам займусь ею, – произнес с тонкой улыбкой Геллендорф. – Ты пока можешь быть свободен. Когда все закончится, я тебя позову, избавишься от тела обычным способом – в отопительной печи...

Лиза замерла в ужасе. Когда все закончится... Когда она умрет, вот что имеет в виду профессор! Они сожгут ее тело в печи...

Санитар, гоготнув, удалился. Лиза осталась наедине с профессором. Геллендорф погладил девушку пальцами по щеке и сказал:

– Вижу, ты поняла, что тебя ожидает. Я не хотел, чтобы все так закончилось. Твоя смерть была назначена на четверг, но ты сама ускорила события своими необдуманными поступками. Так бы все прошло для тебя безболезненно и незаметно – одна инъекция, и ты бы навсегда заснула. Но к тебе вернулась память...

– Вы действительно собираетесь убить меня, профессор? – спросила Лиза, мучительно ища выход из сложившейся ситуации. – Ведь это очень серьезное преступление. Если станет известно...

– Ничего не станет известно, – заявил с наглой усмешкой Геллендорф. – Обвести полицию вокруг пальца, как я знаю по личному опыту, ничего не стоит. Еще бы, ведь для всех мое имя – синоним высокого профессионализма и порядочности! Никому и в голову не придет, что в клинике имеется лаборатория по производству синтетических наркотиков. Мы, кстати, в ней сейчас и находимся. Благодаря связям в высшем обществе я нахожу сбыт для своей продукции без проблем. А когда ко мне поступают богатые пациенты, я делаю им инъекции...

– И они становятся наркоманами! – ахнула Лиза. – Профессор, но как вы можете! Вы же врач!

– И что из того? – ухмыльнулся Геллендорф. – У этих придурков денег куры не клюют, они ничем не занимаются, развлекаются на приемах и вечеринках, спускают состояния. Считают, что у них имеются психологические проблемы, поэтому и обращаются ко мне. Я и помогаю им избавиться от проблем – при помощи инъекции героина, например. Если бы ты знала, как они потом меня благодарят! Чуть ли не на коленях!

– И становятся вашими рабами и постоянными клиентами, – произнесла девушка в страхе.

– Да, сознаюсь, я снабжаю их наркотиками, и они могут быть уверены, что товар у меня высочайшего качества, – ответил Геллендорф. – Разумеется, я сажаю на иглу далеко не всех своих пациентов. Так что, дорогая моя, нечего пугать меня полицией. Мне уже приходилось убивать, и не единожды. От тел я избавляюсь в огромной печи центрального отопления, которая располагается в подвале. Остается всего лишь горстка пепла, который можно закопать в саду или выбросить в море. Такая судьба постигнет и тебя, дорогая моя Русалочка. Вернее, я хотел сказать, Лиза Кречет.

Профессор возился у стола, и Лиза поняла, что он намеревается сделать ей смертельную инъекцию. Геллендорф подошел к девушке, в руке у него был большой шприц с желтоватым содержимым.

– Вижу, что ты заметно волнуешься, – сказал он по-отечески, – но, право, не стоит. Я расходу на тебя драгоценный наркотик, Лиза. Он неразбавленный, так что ты умрешь очень и очень быстро. Обещаю, больно не будет – я не садист, и мучения жертв мне наслаждения не доставляют. Единственное, что мне нужно, это как можно больше денег.

Профессор склонился над девушкой, шприц оказался около ее предплечья.

– Профессор, я должна вам что-то сказать, – произнесла Лиза. – Это очень важно!

– Хочешь попытаться соблазнить меня миллионами, которых у тебя нет? – улыбнулся Геллендорф. – Мне удобнее иметь дело с Анабеллой и моим старым приятелем Жоржем. Они у меня на крючке, и я получу часть состояния твоего отца – за молчание им придется дорого заплатить!

Игла прикоснулась к коже. Лиза выкрикнула:

– У моего отца имеется тайный счет! На нем не меньше десяти миллионов! А в банковской ячейке хранится несколько картин! И только я знаю, как всем этим завладеть!

Профессор отвел шприц и заинтересованно спросил:

– Ты не врешь? Учти, если ты решила пудрить мне мозги, желая добиться отсрочки, то у тебя ничего не получится. Ну, говори, как мне добраться до денег и картин твоего папаши!

Лиза молчала. Профессор, ударив ее кулаком по животу, заявил:

– Считаешь, что обхитрила меня? Вообще-то ты зря рассказала мне об этом, Лиза, потому что теперь я не позволю тебе умереть, пока ты не сообщишь мне все подробности. Ты мне не веришь?

Профессор подошел к соседнему столу и вернулся к девушке со странным прибором.

– Знаешь, что это? Циркулярная пила, применяемая для вскрытия грудной клетки во время операций или аутопсии. Да, страдания жертв не доставляют мне наслаждения, но если по-другому нельзя... У тебя имеется выбор – или ты скажешь мне правду, и тогда умрешь быстро и безболезненно, получив инъекцию, или...

– Я скажу, – прошептала Лиза. – Деньги находятся на счету в швейцарском банке под названием...

С губ девушки сорвалось что-то нечленораздельное. Профессор крикнул:

– Говори громче, я ничего не понимаю!

– Номер счета... – продолжала Лиза.

Геллендорф алчно воскликнул:

– Повтори название банка, я его не расслышал! Да отчетливее, чтобы я успел записать!

Профессор склонился над девушкой, и Лиза, воспользовавшись этим, впилась зубами в его ухо и откусила мочку. Геллендорф завизжал и выронил пилу, которую подхватила Лиза.

* * *

– Что ты наделала! – закричал доктор-убийца, прыгая на одной ноге. По его шее текла кровь. – Дрянь, подлая дрянь! И как я мог тебе поверить? Ну, берегись!

Он ринулся на девушку и вдруг замер – левая рука Лизы была свободна, она перерезала ремень при помощи пилы.

– Как тебе удалось... – произнес профессор и мгновенно все понял. – Ты устроила это представление, чтобы освободиться. Никакого тайного счета нет!

Подхватив шприц, он кинулся на девушку и попытался всадить иглу ей в руку. Профессор был сильнее ослабевшей Лизы, однако она сопротивлялась изо всех сил. Свободной левой рукой она отталкивала от себя Геллендорфа, а тот, рыча, пытался сделать ей инъекцию.

– Ты сейчас умрешь! – орал профессор. – И мне совершенно тебя не жалко!

Лиза вонзила когти в лицо профессора, тот болезненно закричал, девушка вырвала у него из руки шприц и, воткнув его профессору в шею, ввела часть содержимого. Профессор, отступив назад, выдернул и отшвырнул шприц. Удивленно пробормотал:

– Ты... ты ввела мне концентрированный героин...

Его лицо побелело, разъяренный профессор подхватил со стола скальпель и кинулся на Лизу. Девушка поняла, что сейчас Геллендорф убьет ее. Но он вдруг пошатнулся, скальпель выпал из его руки. Раздался стон:

– Мишель, на помощь! Она отравила меня!

Профессор походил на пьяного. Он упал на один из столов, сметая колбы и склянки.

– Атропин... – бормотал он. – Где же он? Я должен ввести себе противоядие...

Профессора бросило в сторону, он снес стол с химическими реактивами, в том числе и небольшую работающую горелку. Большая лужа мгновенно вспыхнула. Девушка увидела, как огонь лизнул халат профессора. Геллендорф брякнулся на колени, что-то шепча. Несколькими мгновениями позже пламя охватило все тело профессора. Он завизжал и попытался подняться, но не смог – наверняка начал действовать наркотик – и только врезался в большой стеклянный шкаф, заполненный мензурками и пробирками.

Девушка старалась не смотреть в сторону Геллендорфа, ставшего жертвой пламени. Огонь быстро распространялся по лаборатории, помещение заполнялось едким дымом. С большим трудом Лиза дотянулась до скальпеля, выпавшего из руки профессора и лежавшего на краю стола, к которому она была привязана. Наконец ей удалось схватить инструмент и перерезать ремни, удерживавшие ее правую руку и обе ноги.

Дышать в помещении было практически невозможно. Проковыляв на онемевших ногах к двери, Лиза рванула ее на себя. Заперта! Но где же ключ? Наверняка в кармане профессорского халата! Но Геллендорф лежал в эпицентре пожара, и добраться до него было невозможно.

Она спаслась от рук профессора, но задохнется при пожаре или, что ужаснее всего, сгорит заживо? Стены, облицованные плитами из искусственного материала, тоже загорелись. Плавился линолеум, глаза разъедал черный дым, в горло как будто впились тысячи крошечных крючков.

Как же выбраться из лаборатории? Лиза посмотрела на потолок и увидела решетку шахты вентиляции. Прикрыв лицо рукавом, она вскарабкалась на стол и попыталась снять решетку. После нескольких ударов та упала вниз.

В лаборатории что-то взорвалось, и огненная волна пронеслась по помещению. Лиза, схватившись за края отверстия шахты, подтянулась. Боже, у нее не хватит сил, ведь в последние дни она практически ничего не ела...

Одна и та же мысль пульсировала у нее в голове: «Ты должна спастись! Ты не имеешь права умереть сейчас! Ты сумеешь выбраться наружу!»

Стул, ей требуется стул! Спрыгнув, Лиза подхватила металлический стул, водрузила его на стол. Дышать в лаборатории было почти невозможно. Закрыв глаза и действуя на ощупь, девушка сумела-таки вскарабкаться в вентиляционную шахту.

Воздух в ней, представлявшей собой узкую металлическую трубу, был горячим и ядовитым из-за дыма, но им можно было дышать. В лаборатории прогремел еще один взрыв, на сей раз гораздо более мощный, Лиза поползла по шахте вперед. Она не знала, куда попадет, ей требовалось одно – оказаться как можно дальше от огня и дыма.

Тело у нее болело от ожогов, с лица капала кровь, ноги сводило судорогой, но девушка ползла и ползла. Она выживет! Она обязательно выживет!

Шахта расширилась и пошла под уклон. В лицо Лизе хлынули потоки холодного свежего воздуха, девушка радостно засмеялась, но ее смех больше походил на стоны и хрипы. Внезапно она ощутила под собой пустоту и полетела куда-то вниз.

Полет продолжался недолго, Лиза неудачно приземлилась на ногу и ощутила резкую боль. Она лежала на решетке. Девушка попыталась выбить ее ногами, и у нее это получилось. Она кубарем вылетела из шахты на цементный пол.

Лиза тяжело дышала, жадно глотая свежий, без дыма, воздух. Из отдаления до нее доносились крики, вопли и завывание сирен. Девушка, ухватившись за тонкую трубу, проходившую по стене, поднялась. Левая нога у нее сильно болела, но она могла идти, хотя бы и прихрамывая. Где она находится?

Осмотревшись, Лиза поняла, что попала в одно из тех подсобных помещений, которые располагались на территории парка, окружавшего клинику профессора... по всей видимости, покойного профессора Геллендорфа. Девушка подошла к небольшому круглому оконцу, вытерла закопченным и окровавленным рукавом халата пыль и паутину и присмотрелась.

Клиника пылала. Пожар, начавшийся в лаборатории по производству наркотиков, быстро распространился из подвала на расположенные выше уровни. Около здания суетились врачи и санитары, бегали пожарные и полицейские, на пожухлой траве сидели больные.

Лиза подошла к двери, но та, конечно же, оказалась запертой. Отыскав в подсобке топор, она несколько раз ударила им по замку, и дверь поддалась. Девушка вышла на свежий воздух.

Уже стемнело, но по темно-синему небу носились мириады золотистых, багровых и оранжевых искр, раздуваемых холодным ветром. Подсобное помещение располагалось на расстоянии метров семидесяти от горячей клиники, недалеко от распахнутых ворот, через которые въезжали все новые автомобили пожарных, полиции и медиков.

Наконец-то она свободна! Но какой ценой... Она не хотела устраивать пожар, не желала, чтобы кто-либо пострадал или погиб, даже профессор Геллендорф, пытавшийся убить ее. Но изменить произошедшее не в ее силах.

Лиза подумала об Анабелле и ее любовнике. Они должны понести наказание за убийство отца. Девушка подошла к полицейскому, стоявшему у ворот.

– Месье, меня зовут... – начала она, но полицейский, перебив ее, сказал, указывая на карету «Скорой помощи»:

– Мадемуазель, с вами все в порядке? Вы не получили серьезных повреждений? Обратитесь к медикам!

Лиза терпеливо обратилась к медикам, но те, вместо того чтобы выслушать ее рассказ, осмотрели ее ранения и сделали вывод:

– Несколько ожогов первой и второй степени, многочисленные механические повреждения кожного покрова, ушиб лодыжки. Мадемуазель, вам повезло, вы легко отделались.

Девушкой занялась медсестра. К ним подошел один из полицейских, и медсестра спросила его:

– Так что здесь случилось? Отчего в клинике начался пожар?

– Точная причина неизвестна, но уже ясно, кто совершил поджог, – ответил полицейский. – Одна из пациенток, безымянная особа по прозвищу Русалочка.

Лиза дернулась, медсестра начала ее успокаивать:

– Прошу вас, не двигайтесь, я сейчас закончу обрабатывать ваши раны... Эта та, о которой сообщали в газетах несколько месяцев назад? У нее вроде бы память отшибло...

– Так и есть, – ответил полицейский. – Мы уже говорили с одним из санитаров, который последним видел эту самую Русалочку и профессора Геллендорфа. Девчонка уже давно свихнулась, но сегодня у нее начался припадок. Ее заперли в одном из боксов, но она умудрилась напасть на профессора, убила его и намеренно подожгла клинику.

Лиза хотела крикнуть, что это неправда, поведать о том, что профессор пытался ее убить по приказу Анабеллы и произошло все в лаборатории по производству наркотиков, но слова застряли у нее в горле. К ним приближался один из врачей, который знал ее в лицо. Лиза сгорбилась, стараясь прикрыть лицо распущенными волосами и рукавом халата.

– Слава богу, что погибло всего несколько человек, – произнес врач, – а ведь жертв могло быть гораздо больше. Но профессор Геллендорф... Эта сумасшедшая убила его! Санитар Мишель видел все собственными глазами – она напала на профессора и перерезала ему горло, а затем устроила пожар. Мишель сам едва спасся...

– Если мы ее поймаем, эту Русалочку, то она до конца жизни отправится в психушку! Причем не в такую фешенебельную клинику, как ваша, а в государственное заведение, – гневно сказал полицейский.

– Ну, эта сумасшедшая уже погибла в огне, тут сомневаться не приходится, – заявил врач. – Спасти в том огненном inferно, которое бушует в подвале, не мог никто. Туда ей и дорога!

Не привлекая внимания, Лиза покинула карету «Скорой помощи» – появились новые пострадавшие, и медсестра занялась ими. Как у них все просто – из жертвы преступления она превратилась в уголовницу, устроившую пожар! Наверняка санитар Мишель и те врачи, что были заодно с профессором Геллендорфом, быстро выработали удобоваримую для полиции версию – мол, клинику подожгла Русалочка. И теперь все будут придерживаться этой версии,

иначе поставят под удар самих себя: придется поведать и о производстве наркотиков, и о прочих криминальных манипуляциях, которыми занимался профессор и его сообщники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.